

СМЕНА

8

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

твой товарищ

ГРИГОРИЙ БЕЛОУСОВ

ШОФЕР

По улицам города Днепропетровска мчится грузовик-самосвал № УИ 6609. Он держит путь туда, где обнесённые строительными лесами, сооружаются новые здания. Кузов автомобиля движущий наполнен цементом и мешками с цементом. Машину ведёт один из лучших шоферов Днепропетровской автотранспортной конторы, комсомолец Григорий Белоусов. Он доставляет строителям цемент, гравий, щебень, песок...

О такой работе мечтал он ещё в детстве, когда старшие братья, Николай и Виктор, — оба шоферы — вели между собой разговоры о дальних рейсах, о скоростных перевозках, о карбюраторах, моторах, сплененных — о вещах, в ту пору мало понятных для Григория, но полных самого заманчивого интереса.

Когда Григорий подрос, осуществить эту мечту сразу не удалось. Началась война, и комсомол посыпал Григория на ремонтный завод.

Начав на заводе с ученика слесаря, он стал потом бригадиром комсомольско-молодёжной бригады. И эта

бригада была одной из лучших на заводе.

Когда настали мирные дни, Григорий пошёл учиться в аэродромотехнический техникум. Он окончил техникум с отличием, мог приступить в вуз без экзаменов. Но Григорий вскальпил практика. Он решил до толкостей изучить автоманипуляцию, научиться ей ремонтировать и之後 потом пойти в институт.

На автобазе Григорию начали давать старый, изношенный грузовик. Потом ему вручали грузовик-самосвал. Это была новая, прекрасная машина. Не вылезая из кабины шофер мог открыть задний борт, поднять кузов и высыпать груз.

В первый же месяц Григорий выполнил задание на 129 процентов, в следующий — на 140, потом — на 150... Каждый день после работы Григорий забегало осматривал автомобиль, мыл его, чистил, смазывал. Григорию хотелось уберечь машину от поломок, сохранить её как можно дольше в таком виде, в каком он получал её с завода. И Григорий взял обязательство проехать на своей грузовике 100 тысяч километров без капитального ремонта.

Немало километров уже проехал Григорий по родному городу и дорогам Днепропетровщины. Слово комсомольца — крепкое слово: машина Григория Белоусова в отличном состоянии.

Минувшей осенью, когда с полей возвозили собранный урожай, на по-

мощь колхозникам направили комсомольскую бригаду шоферов, состоявших из лучших стахановцев. Среди них был и Григорий Белоусов.

Шли проливные дожди. Григорий вёл свою машину через степь по грязной, размытой дороге.

О колхозе до пункта Заготзерно было 50 километров. В тот день Григорий сделал уже пять рейсов. Пятьсот километров пути! У него слегка болели руки. Было холодно, хотелось спать. Он въехал на площадку заготпункта, ссыпая тугие желтоватые почтаки кукурузы, написал чаю, но отдохнуть не пошёл, а выехал в шестой рейс. Разве мог он комсомолец, поступить иначе, когда сеяния на день ждали снегопада и нужно было как можно быстрее вывезти урожай с поля? Это были горячие дни...

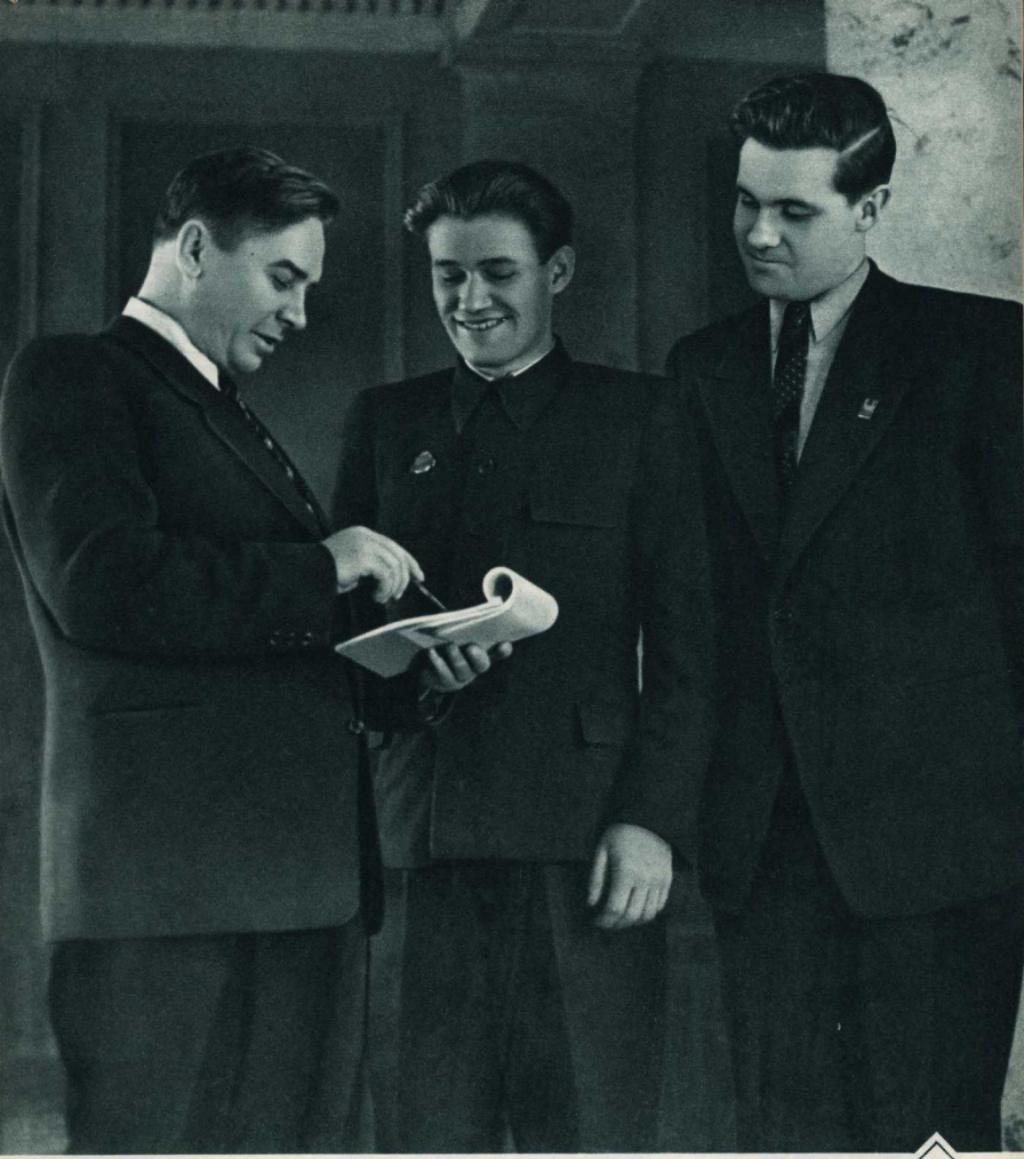
За всё время у Григория Белоусова не было ни одной аварии, ни одной поломки.

Усталым, но радостным возвращается Григорий домой. Такую радость может чувствовать только человек, склонно потрудившийся за день. Время позднее, но до сна ещё далеко. Григорий садится за стол, открывает учебники по автоделу, физике, механике. Осенью Григорий Белоусов собирается поступить в Автодорожный институт.

Вл. ШОРОП

г. Днепропетровск.

твой товарищ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 8. 1951 год.

Лауреаты Сталинских премий (слева направо)
Анатолий Суров, Николай Чижев и Игорь Бездедный.
Фото Г. Борисова и А. Моклецова

Год
издания
28-й

ЛЕНИН

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

ПОСВЯЩЕНИЕ

На небесах просторно звездам,
Хоть и трудно звездам счесть.
Много рек на белом свете, —
Воды каждой в море есть.
Братья рубятся с врагами,
Каждый шлёт отчизне весть.
В соколиной гордой стае —
Каждому почёт и честь.
Первому в семье могучий —
Русскому народу — слава!

Он, бесстрашный, брат наш старший,
Поднял знамя Октября,
И над миром знамя это
Задало, как заря:
Рухнула тюрьма народов,
И, огнём весны горя,
В океане смылся единный
Разобщённых моря.
Путь открылся к жизни лучшей.
Русскому народу — слава!

Воин, который в битве
Крепко скал граничных бы.
Первому, кто рошил мира
На полях войны взрастил,
Кто опять, как прежде, строит
И пойт в избытке сил,
За кого великих Сталини
Здравиц провозгласил,
Путь прорывшему сквозь тучи,
Русскому народу — слава!

От захватчиков кровавых
Мир оборонившему,
Знамя дружбы, знамя братства
Над вселенской вззвишуему
Близких союзником коммунизма
Землю озарившему,
Беззакатный, вечный гений
Ленина
Взрастившему, —
Гимн свободы, стих певучий —
Русскому народу — слава!

ВСТУПЛЕНИЕ

...Ленин! Где слова найти,
Чтоб они могли сравняться
С этим словом — о пяти
Буквах, полных до краёв
Смысла будущих веков?
День его великой жизни
Равен ста монг годам.
Я прошёл по всей отчине,
Чутким ухом припринял
К многошумным городам,
И, по капле собирая
Необъятный окрас
Жаждой знания обуми,
Много сотен книг прочёл я,
Обошёл я много стран.
Я ходил среди народа,
Вдохновенияща,
И народ смотрел в глаза мне
Мудрым взором Ильича.

Ленин! Как пароль свободы,
Произносит имя это
Трудовой простоты народ;
В немыслимой жажде света
Гений Ленина живёт.

Поэма азербайджанского поэта Расула Рза «Ленин», отмеченная Сталинской премией в 1958 году, — большое достижение нашей многонациональной литературы, посвященное лет.

Поэма открывается воспоминанием поэтом народом о Ленине, подчёркивается этим, что Россия — родина ленинизма. В поэтическом восприятии Расула Рза образ Ленина рисуется под знаком политической и первых лет научно-политической деятельности до последних дней. Завлекающие главы поэмы иллюстрируют торжество ленинского дела, торжество Соколовой страны, изгнанной из коммунизма под водительством великого проповедника дела Ленина — И. В. Сталина.

Переведён поэму на русский язык Арсений Тарковский.

Ниже публикуются отрывки из поэмы.

Он пришёл с живой водой
В степи серые Мугани;
Он сверкал звездой
Блещет в северном тумане;
Над Невой и над Курой
Имя Ленина, как эмаль,
Алым пламенем горит;
Ленин — с нами, Ленин — с нами,
Знамя наше, меч и щит.
Ныне Сталина устами
Ленин с нами говорит...

У ПРЯМОГО ПРОВОДА

...Войдём, читатель, в старый дом.
Ночь ночь кругом,
Но жизнь ключом
Кипит, не затихая, в нём.
Войдём в бесконечный этот дом
И коридор пересечём,
И, двери приоткрыв, тайком
Через порог перешагнем.
Мы здесь ни статуй, ни картин,
Ни пышных шёлковых гардин
С тобой, читатель, не найдём;
Здесь — две винтовки, стola, скамья,
Да телеграфный аппарат,
Да две на посту.

Солдат —
Телеграфист не спит.
— Кронштадт!
Выступки он, —
— Кронштадт!
А от бесконечной горята
Глаза. Он третью ночь подряд
Не спит уже...

— Кронштадт!

Безумный паренёк-матрос
Старинным креслом топчит печь:
Картону надо ведь испечь.
Он красло в комнату принёс
И ножки — прочь! А стулья какой —
Амир, а может, рококо, —
От этого он дёлеко.
Мол, рана у меня горит,
И ты — гори.
Каким бы им было на вид,
Гори, да посыльные, смотри!

Телеграфист ключом стучит:
— Кронштадт! Кронштадт!
Кронштадт молчит,
И углы на глазах лежат...

Он третью ночь не спит подряд,
В висках стучит, в ушах звенит,
И под руки — не медный ключ,
А жаркий красный уголёк,

И сматываются в клубок
От печки луч, от лампы луч,
И кто бы мог ему помочь.
Понять — настал то день, иль ночь
Стонт за окнами. Весна.

Или зима теперь у нас,
Растопаковать — который час...
Он весь уже во власти сна.
И дни великие пред ним
Клубятся, как багряный дым:
Всё грудью мощной своей
«Аврора» выдаётся заал.
Товарищ, бей буржуя! Бей!
Вперед, на Зимний! Зимний пал...

А под руки ключ стучит:
— Кронштадт! Кронштадт!
Кронштадт молчит.

Телеграфисту синится бой.
Телеграфист не должен спать!
Но — обморочным сном томим,
Он весь не может приподняться,
Рука его сама собой
Работает:

— Кронштадт! Кронштадт!

И входит Ленин. Рядом с ним
Его соратники боевые,
С ним и в минувшие года
Деливший тяготы труда...
Ни Сталина, ни Ильича.
Телеграфист не видит. Он
Сидит с поникшей головой,
Не отрываясь от ключа.

...Ильич глядит по сторонам
И видит: молодой моряк
У углу растапливает печь.
— Ты что это, дружок? Да так
Все красло в доме можно скжеч!
Вытигивается моряк
И руку к бескозырке, — в знак
Приветствия...
В бинтах рука
У молодого моряка.
Он за ульбкой причет боль

И говорит:
— Пускай себе
Господское добро горят.
К чему такое красло нам?
На чём нам их буржуйский хлам?
А Ленин говорит:
— Постой, —
Буржуй ли выточил его?
Нет, не буржуй, — столь простой.
Ещё, быть может, крепостной;
Его большое мастерство
Должны мы уважать с тобой.
Вот это красло, этот дом,
Картины в зале, — рёб кругом
В бымые, тяжкие года
Под гнетом создано трудом.
Ценить нам надо и беречь
Плоды народного труда...
А ты вот — ими топи печь!

И молодой моряк смущён.
Как факел, у него в руке
Дымится ножка красла. Он
В ведро с водой сбут
И, как хрустальная, несёт, —
Пусть, мол, просохнет в уголке!

А Ленин искаса глядит
И ничего не говорит,
И только по губам его
Улыбка лёгкая скользит...

СВЕТ НАД РОССИЕЙ

...Уэлса книгу прочь откинув,
Вновь перелистывает Ленин
Страницы плана ГОЭЛРО,
И снова думает о благе
Страны свободных исполнинов,
И снова о листву бумаги'
Стремительно ведёт перо.

Беседует страны плана
С вождём советского народа
О будущем страны родной,
О том, что близок день желанный,
Что мы социализм сумеем
Построить и в стране однажды.

Страна Советов молодая —
В тугом кольце враждебных стран,
Кругом — враги, но силы наши
Сократ уможит этот план.
И Ленин пишет:
Этот план —
Программа партии второй.

Заря пылает за окном,
И золотом и багрецом
Листы бумаги заливают.
И Ленин, встав из-за стола,
Глядит, глаза немного щуря,
На горизонт, где тает мгла,
И выше, на пятно лазури,
На огненный разрыв огня.
И видит он рождение дня
В небесном рюмок окне,
И видит, как листко трепещет,
Как просыпается Москва,
И думу думает о плане;
Ему на память в это время
Приходит Сталинская слова
О том, что это — план единий,
План государственный, что в нём
Теперь залог победы нашей,
Что лишь таким путём

Должна
Идти Советская страна.

И смотрит новых дней глашатай
На светозарный небосвод,
На край отцов, зарёй облыятый, —
И сердце гордо, гормо бьётся
В груди вождя и полководца;
Сейчас над Родиной свободной
Светило радости взойдёт.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

«...Ходя от нас, говори Ленин
завещаешь нам...»

И пламенную клятву эту
Мы повторим все. Она
Живую жизнь воплощена,
Она — те крылья, на которых
Стремится к солнцу коммунизма
Победоносная страна.

Говорит народ:
О, родной и любимый,
О, наш полководец и вождь!
Сила верного сердца
И разума нашего мощи!
Слово рабство — тобою зачёркнуто
В книге времён,
Справедливейший в мире
Тобою написан закон.
Через воды струйные
Имя твоё перешло,
Через горы скальные
Имя твоё перешло.
Всюду знаменем стало
Высокое имя твоё,
Светлым пламенем стало
Высокое имя твоё.
Упование мира,
Ты — солнце родимой земли.
Мы великому Ленину
Клятву с тобой принесли.
Время нам покорилось,
Мы клятве остались верны.
И война разразилась,
Мы клятве остались верны.
В дружбе — сила народов,
Мы устремились на бой —
И единой лавиной

Пошли на врага за тобой.
Члены партии звание
Мы бережём в чистоте.
Мы сражались, творили.
Наши звёзды горят в высоте.
Мы, как дружбу свою,
Как величие советской земли,
Так и Партию нашу
В единстве стальном сберегли.
Мы своей души заклятием
В огне твоих мыслей и слов
И трудающихся власти
Охраняли от злобы врагов.
Ты о счастье народа
Забогтился ночью и днём,
И мужают орала твой
У тебя под крылом.
Перед взором твоим
Долгий мессяц проходит за час.
Мощь твой отвага —
Пример постоянный для нас.
Ты — отец наш любимый,
И силы такой не найти,
Чтоб крестьян и рабочих
С единого сдвинуть пути.
Мы семьёй принимали на плечи
Оружия груз
И, воюя семейством,
Укрепляли Советский Союз.
Ты под солнцем свободы
Вокруг них могучий народ.
Первый день Коммунизма
Над нашей землёй взойдёт!
В каждом слове твоём, в каждом деле
твоём

Ленин жив!
Это сердце его — красный флаг над
Кремлём.

Ленин жив!
Ускоряется тихая поступь веков —
Ленин жив!
Прославляется партия большевиков —
Ленин жив!
Свет во мраке дорогу прокладывает —
Ленин жив!
Луч надежды в темнице заглядывает —
Ленин жив!
Знами красное гордо вздымаст Китай —
Ленин жив!
За Китаем другой подымается край —
Ленин жив!

ВЕЧНО ЖИВОЙ

Вадим СОБКО,

лауреат Стalinской премии

Тишина стояла над площадью, такая
невыразимая тишина, что всплески
вод узенькой речушки казались шумом водопада.

Ярко сияло солнце в синем майском небе. С гор набегал свежий лёгкий ветер. На площади стояла застывшая в безмолвии ожидания толпа.

Генерал подошёл к трибуне, занял своё место и взглянул на покрытый серым брезентом памятник. Когда упал чехол, взорам собравшихся открылась бронзовая фигура человека в обыкновенном гражданском костюме, одна пальма немного отвернулась, и казалось, будто он стремительно идёт кудесным спиралью и только на миг остановился здесь, на пьедестале, чтобы посмотреть на припрятанную толпой, поздороваться со знакомыми и незнакомыми людьми.

Генерал побледнел. Он почувствовал грозную опасность в изображении человека, который стоит и смотрит на него, генерала Гроула, немного сощурив свои глаза, насмешливые и умные.

— Это Ленин, — едва слышно прошептал побелевшим губами адъютант генерала майор Тайден.

Генералу стояло больших усилий сохранить спокойствие.

Талантливый украинский писатель Вадим Собко — автор романа «Залог мира», удостоенного Сталинской премии за 1950 год.

Недавно Вадим Собко написал новую повесть «Сердце», в которой показана подпольная деятельность советских коммунистов против гитлеровцев и американцев. Действие происходит в немецком городе Айсборн. В годы войны рабочие местного машиностроительного завода, спрятавшие на крыше тяжёлого лома бронзовий памятник Ленину, вынесенные гитлеровскими немцами из Советского Союза, и с помощью спасённых ими рабочих из Айсборна, разгромили гитлеровскую Германию в Айсборне. После разгрома гитлеровской Германии в Айсборне приступили армии американцев. Рабочие без ведома оккупационных властей решили установить памятник на главной площади города. Их спасли американские офицеры, командование, приглашённые на церемонию открытия памятника, ни много ни мало знали, что это памятник.

Мы печатаем отрывок из повести «Сердце». Здесь рассказывается отрывок из открытия памятника В. И. Ленину. Но изображение памятника в украинской гравюре Гроула и случайно оказавшийся городе советский офицер лейтенант Королёв.

коzyryku furajki и сказал:

— Господин генерал! Открыт памятник вождю и основателю Советского Союза Владимиру Ильичу Ленину. Я думаю, что в эту торжественную минуту следует исполнить Гимн Советского Союза и национальный гимн Соединённых Штатов Америки.

Этого генерал не ожидал. У него и так уже было достаточно много

Заволновалась, загудела площадь. Как порыв ветра, пронеслось по толпе:

— Ленин!

Будто расколовася площадь. У подавляющего большинства присутствующих радостным удивлением зажглись взоры. Из сотен грудей вырывалось восторженное:

— Es lebe Lenin! Да здравствует Ленин!
Но были и такие, в глазах которых вспыхнула пляска, страшная неизвестность: кажется, они готовы были броситься на памятник; на этого навысокого, спокойного человека.

Генерал ёщё раз растерянно посмотрел на пьедестал и подумал, что здесь, в городе Айсборне, наверное, придётся провести большую чистку.

Лейтенант Королёв сделал шаг к генералу, чётко и уверенно поднял руку к

волнений и переживаний. Но надо было что-то ответить: лейтенант Королёв стоял перед генералом Гроули и ожидал ответа.

Невыполнимы были эти минуты и для Королёва. Он понимал, что происходящее касается престника Советского Союза — государства, единственным представителем которого здесь был он, лейтенант Королёв. Офицер окунул взглядом толпу, увидел множество устремлённых прямо на него глаз и прочёл в них ожидания и тревогу.

Генералу не оставалось ничего другого, как отдать распоряжение играть гимн. Он кивнул Тилдену, тот махиком скатился с трибуны, и сразу же оркестр заиграл американский гимн.

На предельно высокой ноте музыка обворвалась, вновь над площадью звонилась тишина. Королёв едва заметно скосил глаза на генерала Гроули, ожидающего, когда прозвучат первые звуки советского Гимна.

Лейтенант почувствовал, что пауза затягивается. Позади, совсем близко, он услышал горечь, издаваемую шапкой майора Тилдена:

— Мы должны попросить прощение у господина лейтенанта. Наш дивизионный оркестр не подготовлен для международных встреч. К со- жалению, музыканты ещё не изучили советский Гимн.

Королёв шагнул к генералу и отчеканил:

— Гимн Советского Союза должен быть исполнен!

— Но оркестру не умеет его играть, — высказал вперёд майор.

— Это очень жаль, — ответил Королёв. — Гимн должен быть исполнен, и если этого не сможет сделать оркестр, то я спою его сам.

Памятник В. И. Ленину в г. Эйслебене, установленный немецкими антифашистами.

— Прошу, — ответил Гроули, чувствуя, как трибуна шатается под его ногами.

Неожиданная мысль мелькнула у лейтенанта. Конечно, он и один мог бы спеть советский государственный Гимн, но лейтенант подумал, что среди находящихся здесь немецких рабочих должно быть немало и таких, что хорошо помнят дотирлеровские времена. И лейтенант Королёв решил: не может быть, чтобы во всей этой тысячной толпе не нашлось людей, которые не поддержали бы его. Если не все знают Государственный гимн СССР, то люди труда наверняка знают партийный гимн — «Интернационал».

Лейтенант взглянул на Ленина. Владимир Ильин смотрел прямо на него, и во взгляде вождя Королёв прочёл одобрение.

— Вставай, преклятый заклеймённый! — запел Королёв, и его молодой, сильный голос можно прозвучал в настороженной тишине.

«Даже если никто не поддержит меня, я спою до конца», — думал Королёв, чувствуя, как сердце его занял волна великой гордости за свою Отчизну, за страну, что стоит здешь, рядом и слушает, как лейтенант Королёв подёт пением приводит всех в движение.

Вспыхнувшим лейтенантом уже не мог воспринять, как это произошло. Сперва ему показалось, будто у него просто усилился голос. Мелодия «Интернационала» неожиданно расширилась, поплыла откуда-то с другой стороны площади. Потом всплыла в его пении высокий женский голос: кто-то запел «Интернационал» по-немецки. Одни за других присоединялись всё новые и новые голоса. Королёв ясно услышал и английские слова: слова от него пели «Интернационал» несколько американских солдат.

Всё громче звучал «Интернационал» над площадью небольшого немецкого города Айзборн, плыл над толпой, перебрасываясь на улицы и в дома, в мир нет и не может быть более мощной песни. Теперь в толпе пело уже много людей.

Потом вдруг загремел и оркестр. Музыканты, вероятно, вспомнили, что и они знают мотив этой песни.

...Песня окончилась. Лейтенант Королёв отнял руку от головного убора. Он видел, как сияли глаза людей в толпе. Лейтенант взглянул на генерала Гроули, на его потемневшее лицо и улыбнулся радостно и победно.

Перевод с украинского
П. СИМОНОВ

ЗАГНИВАЮЩИЙ КАПИТАЛИЗМ

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В. И. ЛЕНИНА
ОБ АМЕРИКАНСКОМ ИМПЕРИАЛИЗМЕ

— Какие новые принципы были практически прибавлены Лениным и компартией к марксизму?

Таков был один из групп вопросов товарищу Сталину, поставленных первой американской рабочей делегацией (1927 год).

Ответ, что никаких новых принципов Ленин не «прибавлял» к марксизму, И. В. Сталин объяснил, что Ленин развил дальше учение Маркса и Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Своим ответом товарищ Сталин начал с вопроса об империализме. И вывод его был такой:

«Заслуга Ленина, и стала быть, новое в Ленине состоит здесь в том, что он, опираясь на основные положения «Капитала», дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его язвы и условия его неминуемой гибели. На базе этого анализа возникло известное положение Ленина о том, что в условиях империализма возможна победа социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических странах¹.

Свой знаменитый труд «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ильин написал весной 1916 года, тридцать пять лет назад.

Идеи, разработанные в этой гениальной ленинской работе, прошли за все эти годы суровым проверку жизнью. Эти проверки целиком подтвердили правильность.

Ленин впервые ввел в историческую науку историческое место империализма, показав, что это капитализм не только монополистический, но и паразитический; «Монополия, олигархия», — писал Ленин, — стремление к господству вместо стремления к свободе, эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — всё это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм².

Особенно поучительной и актуальной является ленинская оценка американского империализма. Ленин доказывал неоднократно, что нигде капитализм не господствует настолько, как в Соединенных Штатах Америки. Ещё за несколько лет до начала работы над книгой об империализме Ленин писал в «Правде» о современных рабовладельцах:

«В Америке все национальное богатство исчисляется теперь в 120 миллионах (тысяч миллионов) долларов, т. е. около 240 миллиардов рублей.

Из них около трети, около 80 миллиардов рублей, принадлежит двум и трестам, Рокфеллеру и Моргану, или подчинено этим трестам: Не более 40 000 семей, составляющих эти два треста, — владыки 80 миллионов наемых рабов³.

«Обезлюбленный зверь» — так характеризовал Ленин американский империализм.

В 1918 году Ленин написал свой знаменитое письмо к американским рабочим. Это было время, когда американские миллиардеры, эти самые временные рабовладельцы, по выражению Ленина, которых особенно трагически страницу в кровавой истории израивского империализма⁴, задались целью удушить первую социалистическую республику. Хартизм руки Америки в период империалистической войны, Ленин писал в этом письме:

«Американские миллиардеры были едва ли не самые богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они наименее богаты всех. Они сделали своим даниникам все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов, и на каких долларах... — кому грозят от «ядоходных» военных поставок обогащающимися в каждой стране богаче и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови»⁵.

Ленин дал империалистам облегчение кровью наших людей. Конец 1919 года агентство Юнионпесс предложило В. И. Ленину, среди других вопросов о том, какие экономические и политические цели прославлять мы бы по отношению к Соединенным Штатам и Японии, Ильин ответил так:

— Но отношение к Соединенным Штатам мы прославляем прежде всего ту политическую цель, чтобы отразить их нападок, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашесть на Россию. Обмы эти государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войной с нами, помогая Деникину и Колчаку, грабя Мурман и Архангельск, опустошаст и разоряя особенно Восточную Сибирь, где

¹ И. В. Ставицкий. Соч., т. 10, стр. 94.

² И. В. Ленин. Соч., т. 22, стр. 260.

³ И. В. Ленин. Соч., т. 18, стр. 375.

⁴ И. В. Ленин. Соч., т. 28, стр. 44.

⁵ Там же, стр. 46.

русские крестьяне оказывали разбойникам-капиталистам Японии и Соединенных Штатов Северной Америки геройское сопротивление¹. Интересно заметить, что Ленин согласился дать ответ на пять вопросов английского агента, получившего письменное обещание, что эти ответы будут опубликованы полностью в газетах США. Но оказалось, что агентство Юнайтед пресс целиком испыло ленинский ответ на пятый вопрос. Что же так испугало английских агентов-журналистов? Кто же из них, кроме Ленина, мог напечатать такую прессу, призывающую на всех перекрестках о «свободе печати» в Америке? Не подлежит сомнению, что её испугали следующие строки:

«...Маленькая иллюстрация в заключение: американская буржуазия обманывает народ, хвастая свободой, равенством, демократией в её стране. Но на эта, ни какая нация буржуазия, ни одно правительство в мире не может принять, побоится принять соглашение с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии: допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободом обмена... брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст закона данной страны, текст конституции, с объяснением её правосудства над другими».

Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелился пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократический договор с нами.

Почему? Потому, что все, кроме Советского правительства, держатся угнетением и обманом масс...»².

На Восьмом съезде Советов В. И. Ленин рассказывал о письме в Совнарком «камерниковского кулака» Вандерлина, представителя партии рестрибуцианцев.

«Под боком около Камчатки», — писал этот преступник Вандерлин, — есть какая-то губа (я забыл её название), где есть источники нефти... Если вы нам проредите эти земли, то я гарантирую, что в народе нашем будет антиэтап, и даже правительство мы сейчас же признаем. Если вы не проредите, я вынужден только кинуть, что я могу сказать, чтобы мы могли рассмотреть этот проект, но такого антиэтапа, который гарантирован бы признание Советского правительства, я обещать не могу».

Ленин говорил по поводу этого послания Вандерлина:

«Перед нами совершенно нагой империализм, который не считает даже нужным обличить себя во что-нибудь, думая, что он и так великолепен»³.

Ленин не раз клеймил американских империалистов не только как душителей рабочего класса своей страны, но и как «мирового полицейского» — душителей свободы народов. Ильин говорил в 1918 году, что агенты американского президента Вильсона душат революцию в Австрии, играют роль жандармов по отношению к Швейцарии и Голландии. Они грозят еврейской голодом странам, помышляющим жить в мире с Советской страной, «англичанам и американцам», — писал Ленин, — выступают в качестве палачей и жандармов русской свободы»⁴.

Немало строк посвятил Ленин разоблачению паразитического характера американского империализма и в смысле задираний им роста пронзительных сил. Ильин приводил ряд ярких примеров сознательного торнадо со стороны капиталистов технического прогресса, если это мешает их «доходным деликатесам». «Куда ни книга», — писал Ленин, — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить не м е д и л и н о . Мешают капитализму»⁵.

В мировой капиталистической технике образовалась уже огромное кладбище несущественных проектов, что несмыслимым позором покрывает современный империализм.

В наши дни, когда Советская страна приступила к величайшим строекам коммунизма, развернула строительство новых грандиозных гидростанций и оросительных систем, как-то: по своему, с особой глубиной, шириной, мощностью, красотой, — вспомнив о том, что Ленин, адрес Америке, не используя силу падающей воды, Варварское отношение к своим гидроресурсам остаётся в США и сегодня. На пятидесяти ирригационных плитах США имеется всего 12—15 гидроэлектрических установок. А на остальных погромщиках, как это было подмечено ещё В. И. Лениным, сила падающей воды совершенно не используется, ибо это невыгодно королям угля, транспорта и т. д.

И так во всём. Монополия, читай Ильин, неизбежно порождает стремление к застою, загниванию. Можно было бы привести буквально тысячи примеров усиливающегося загнивания американской экономики. Уже самий факт, что монополисты США делают главную ставку на экономику «переваренной» подготовки к войне, свидетельствует о нарастающей глубине паразитического загнивания американского империализма.

***

С тех пор, как были написаны биличущие ленинские строки об империализме, паразитии и загнивании капитализма дошли до крайних пределов. В результате второй мировой войны общий кризис капитализма углубился и обострился до небывалой степени, паразитические черты гниющего американского империализма выступают с ёщё большей силой. До последней четверти возросла эксплуатация сотен миллионов трудящихся, разрыв упал их доли в национальном доходе.

Рост массовых безработиц, непрерывный рост цен на продукты и увеличение налогов поставили на грани голода многие миллионы людей. Чудовищных размеров достиг эпидемический кризис. Около трети всех семей в США живут в бедности, в абсолютной нищете. Всё более жестокой эксплуатации подвергается женский и детский труд. Миллионы детей США работают по 10—12 часов в день за miserную плату.

Паразитический характер современного капитализма отчётливо виден в безудержном росте милитаризма. В период второй мировой

«Мы видим, как Англия и Америка... приспособлены к тому концу, который так испытывала предел германской империализма. Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разорил, а потом он тлеет, опустошает, оставляет в трущинах. И к этому концу мчится теперь английский и американский империализм».

Ленин.

Рисунок Б. Ефимова

войны произошла невиданная концентрация производства в руках американских монополий. Как рассказывает в своей книге «Измена родины» прогрессивный американский публицист Альберт Кан, за годы войны сто ведущих промышленных компаний США получили 70 процентов всех новых заказов. В основном же промышленные корпорации эксплуатировали и построенные горы золота, оставленные предпринимателями, которые они потом приобрели по дешёвке в собственность».

В наши дни особенно актуально звучат слова Ленина об американских и иных миллиардерах, которые «из ужасающих страданий масс, из пролетарской крови выкалачивают чистое золото своих миллиардных доходов»⁶.

Как указывается в послании Трумэна конгрессу, в бюджете США на 1951—1952 год ассигнования на военные цели намечены в размере 50 миллиардов долларов, что почти в 50 (пятьдесят) раз превышает расходы США в давнем 1938—1939 году. Сколько людей можно было бы изгнать, одеть и обогреть эти колоссальные суммы! Как же не вспомнить при этом вещь сама Ленина о том, что английский прогресс техники, вообще, путём сообщения, особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм додрал и перезадал. Он перекинял себя. Он стал реакционистской задержкой человеческого развития. Он свелся к властолюбию горстки миллиардеров и миллиардеров, толкающих народы на бойню...»⁷.

Работа на войну превратилась в решающий источник баснословного обогащения американской plutokratii. Именно поэтому правительства США и Англии обрастили свою войска на положение душителей и жандармов народов. Настоящим приговором звучат сегодня слова великого Ленина о том, что «...похоронят себя английский и американский капиталы, когда они поведут такую авантюру, которая доведет их до политического краха, когда они обрют свои войска на положение душителей и мандаринов всей Европы» (Добавим теперь: и Азии! Азиата американских империалистов в Корее говорит именно об этом... — Т. Т.).

Крах этот неизбежен, ибо немыслим прорвал всех бедовых планов американских империалистов о завоевании мирового господства. Крах их неизбежен, ибо легион империалистов противостоят могучий легион социализма, демократии и мира, возглавляемый Советским Союзом, великим Сталиным. Крах империалистов немыслим, ибо народы, в том числе народ Америки, берут дело сохранения мира в свои руки и суются отстоять его.

П. ТАМИЛИН

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 477.
² Там же, стр. 22, стр. 477.
³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 416.
⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 188.
⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 349.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 478.
⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 478.
⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 141.

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Фредерик Жолио-Кюри,
профессор Коллеж де Франс, член
Французской Академии наук.

Я приехал в Москву, чтобы принять участие в работах Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами».

Сталин — это мир! Сталин возглавляет движение народов мира за мир. Вот почему особенно дорога награда, носящая имя Сталина.

За выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира Сталинских премий удостоены выдающиеся борцы за мир — Федерик Жолио-Кюри, Сун Цзин-лин, Хьюлетт Джонсон, Эжен Коттон, Артур Моултон, Пак Ден Ай и Эриберто Хара. Эти славные имена знают все народы нашей планеты.

Во многих странах, где я побывал, во Франции, в Италии была еще зима. Весну я встретил здесь, в Москве. Здесь я увидел голубое небо.

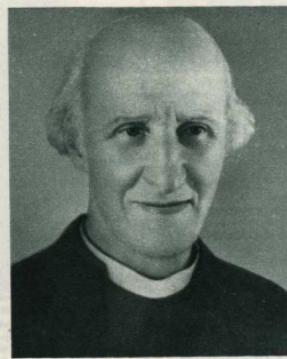
Это явление мне показалось не случайным, глубоко символическим, ибо в жизни всего человечества Советская страна — это весна, это символ возрождения.

Молодежь Советского Союза, девушки и юноши! Ваша обязанность — защищать эту весну и её цветение, увеличивая её прекрасные плоды.

Пабло НЕРУДА,
член Всемирного Совета Мира.

Сун Цзин-лин,
председатель Китайской ассоциации
народной помощи.

Хьюлетт Джонсон,
настоятель Кентерберийского собора (Англия).

Эжени Коттон,
почётный директор Эколь Нормаль (Высшей
нормальной школы) в Севре (Франция).

Артур Моултон,
б. протестантский епископ (США).

Пак Ден Ай,
председатель Демократического женского
союза Кореи.

Эриберто Хара,
б. министр (Мексика).

Георгий ГУЛИА,
лауреат Стalinской премии

САКЕН ЖИВЕТ И ЗДРАВСТВУЕТ!..

«Кам» — так называется новая повесть Георгия Гулиа, которая винится завершением повести «Песни в Сакене» и «Добрый город». Действие повести происходит в Сакене летом 1950 года. Ниже мы помещаем две главы из новой повести.

Солнце освещает вершины сакенских гор тем розоватым аутом, который можно наблюдать только в самые ранние часы. Река из серой становится бледнорозовой, ворчание её усилывается, кажется, и она просыпается вместе со всей природой...

Тараш и Кесоу сидят на огромном прибрежном камне и наблюдают за работой мотопугла. Председатель сельского совета морщишь и без того морщившее лицо. Кажется, что его угнетает какая-то боль, которую он щадительно скрывает от посторонних. Ему не нравится это Дамей, слишком важно восседавший на миниатюрном тракторе. Почему он так медленно пашет? И разве мотопугль не умеет стрелять?

Дамей вспыхивает в предутреннем тумане и вскоре появляются сноха. Понимаю, и сам он немало смущён поведением своей машины.

Кесоу останавливает его жестом руки.

— Зачем стреляешь? — говорит он.

— Это надо спросить у него...

Дамей соскачивает со своего сиденья и начинает отворачивать края-точку.

— Продвигай зажигание, — замечает Кесоу.

— Да ради бога, я в зажигании, — возражает Дамей. — Бензин никудышний, вот что! Я буду жаловаться в район! На нефтебазы мы вроде пасынков.

В доказательство своих слов Дамей выливает себе в ладони немного бензина:

— Разве ни таком поработаешь?

Он вытирает руки о комбинезон (Кесоу настоял на том, чтобы водители мотопуглов были одеты в синие комбинезоны) и едет дальше, вздыхая целинные пласти.

— А участок тебе нравится? Кесоу? — спрашивает Тараш.

— Да ради это участок?! — воскликнет Кесоу. — Он мы даже для мотопугла не подходит!

И он высказывает некоторые соображения по этому поводу. Участок вспахивается под озимь. Машинки, как известно, любят большие просторы. Однако не так уж щедр Сакен на земельные массивы. Пока что придётся довольствоваться небольшими участками и перегонять мотопуглы с места на место. Огромный гусеничный трактор, доставленный в Сакен месяц тому назад, занимается только коркёй леса: больше делать ему нечего. Когда противоположный пригород будет очищен от пней, станет простиорнее, и мотопугль заработает на полную мощность...

— Бригаду укрупняем, — заключает Кесоу, — участки увеличиваем. Машинки тесно, — сказал Тараш, — да и машины...

Что права, то права, Кесоу. Я считаю, что можно было объединить третью и четвертую бригады: они слишком малы. И созам их надо соединить в один массив. Нельзя допускать, чтобы машины топтались на малосенских клочках.

Тараш говорит горячо, словно Кесоу ворзажает ему...

Дамей между тем развернула машину и полез на косогор. Плаут

работал отлично, если не обращать внимания на неприятные выхолмы.

Группка крестьян, проходившая по полю, остановилась, чтобы полюбоваться красочным трактором.

— Точно ишак! — воскликнула старуха по имени Кан. — Славный у тебя ишак, Кесоу!

Дамей круто повернула машину и угрожающе двинулся к крестьянам.

— Эй, чёрт! — крикнул Кан, отпрянув в сторону. — Плохие у тебя повара, да?

Расторопная Кан обратилась к Тарашу:

— Послушай, Тараш, ехали вот здесь будет пахать этот плаут. на кукурузном поле — другое, на табачной плантации — третий, а ещё, чего доброго, и низкая машину привезут, спрашивается тогда: что же будем делать мы?

— Пить вино, — попутчила кто-то.

Тараш подумал и ответил:

— Не забывайте, остаётся ёщё и прополка, сбор табачных листьев... А в общем, работать хватит!

Кан мотнула головой и обратилась к дружьям:

— Ну, за работу... Идёмте, дорогие! И он широко зашагал впереди своей группы, затянув песню. Его дружно поддержали и звонкая песня поплыла над полями:

Горничку, рожинку подношила.
Заскочила на струю...
Не заметила орла —
Жаждала мучину ей...
И вспомнила про супоросину,
И когда орёл заговорил,
Испугалась белозория,
Не заметила орла, —
Жаждала мучину ей...

Крестьяне скрылись за пригорком, а песня ёщё долго доносилась сюда. Дамей, приглашая мотор, с удовольствием прислушивалась к ней.

— Итак, — сказала Тараш, снова присаживаясь на камень, — к нам приезжают гости из района. Чем мы можем похвастать?

Кесоу нравился этот высокий, твёрдый и настойчивый человек. Было что-то притягательное в спокойной речи Тараша, в его покашливании и неторопливости. Он успевал и заседать в сель-

ском совете и на поле побывать, с людьми поговорить. Вот и сейчас ровным баскетом голосом перечислил Тараш некоторые, как он выразился, достижения. Фосфоритный завод выпустил мясичный паштет, на складе немало запасов ценного удобрения; табака табака идет нормально, кукуруза... вот тут, пожалуй...

— Всё будет в порядке, — перебивал Кесоу. — И вчера обшой поле! Первая brigada не сплошает. Вторая даст по плащущим пулов — голову на отсечение!

— А твой участок?

— Я знаю, что и тысяча пулов не предела для Сакена! В прошлом году нешестсот кой-кого удалили, не правда ли? Винишнем — тычики! Кесоу поднялся во весь рост и еще раз повторил: — Тычики!

Он положил руку на плечо Тараша, словно хотел отпрыснуть:

— Послушай, Тараш. Хорошо, что сакенцы сдержали свое слово. Но нельзя ли больше? Я думал об этом и днем и ночью. И разные приходят в голову мысли, но от них становится страшно. Не поднять одному, и ядом, втройне ни поднять. Ежели всё село от мала до велика не поддержит, трудно справиться с этим делом!

— Да, видно, дело серьезное, — проговорил Тараш. — А ты посоветуешься с нашими архитекторами...

— С Ками? — Кесоу покосился на Тараша, словно тот склонялся к его уху.

— Отчего бы и нет, — невинно спросил председатель, — она ученица, толк в своей специальности понимает.

— Знах, — пробормотал Кесоу, — она тоже не нахваляется тобой, за поддержку тебя благодаришь.

Тараш закашлялся и, отшвырнувшись, сказал, что поддержка его посильная, небольшая, он, дескать, должен оказывать её по долгу службы. Затем Ками полезная, умная. Наука же известно, всегда требует поддержки, а жить без науки немыслимо даже в Сакене. Затем Ками вернее было бы называть опиотом, именно опиотом. В чём же существа вопроса? Опиотом, конечно, как известно, не переносит ядовитые вещества — делают гробов. Чай тоже болит, — сказала Элангина, тоже следовательно, в самом Сакене не где-нибудь, и надо выводить нужные сакенцам морозустойчивые сорта. Кукуруза и табак теперь уж нигде не уйдут: они завоеваны прочно; озимы, надо надеяться, будут исплохочь. А вот как быть с лимоном, чаем, эвкалиптом? Ежели удастся вывести нужные сорта, то их можно посадить и на север — в Крым, на Украину, Северный Кавказ. Вот оно что...

Кесоу от нетерпения потирает руки. Его внимание возмущает этот нравоучительный тон: точно Кесоу ничего не понимает и даже мешает кому-то Но Кесоу научился, что называется, брать себя в руки.

— Всё это прекрасно, — говорит Кесоу, — архитектор не останется без помощи, места для поселков находит, вчера передана телепограмма в рабочий поселок.

Кесоу, сирота, сидит на холубину папаху по самые брови, принципиально глаза. Солнце выглянуло из-за горы Гаугау и точно зашагало по маковкам сосен. Августовское солнце злое: оно начинает присыпать с самого утра. Оно особенно кажется злым, когда и сам им заишься...

Кесоу не договорил, а Тараш и не попытался высмеять, в чём же заключается главное, что не даёт пока председателю колхоза. Тараш заметил, меняя тему разговора:

— Не нравится мне электростанция: всего семьдесят процентов мощности... Энергия нужна, а проводов не дают...

Он вздохнул. Кесоу направился по пещере к гусеничному трактору, который кочевал пни за пригорком.

Кесоу, повернувшись лицом к реке и вздохнув полной грудью:

воздух и свеж и чист. На дне реки Сакен плавали косыни рыб — они хорошо видны с высокого берега. Кесоу вздохнув ещё раз и туже затянув поне...

***

Гали смела рядом с Шлангерги и держала карандаш на готовое. Ряд переводчика выплылала. Смел. Он зарочно почиркал свой узелок к кей к гостью, именно гостью, ибо этого требовали его неопределённые, с точки зрения сакенцев, отношения с Гаэлей.

Шлангерги греяла у очага, буйное пламя касалось его сухих и ходячих пальцев. На нём была бурка, а голову прикрывала тёплой шерстяной башмак.

— Дочь моя, — говорила старик, с трудом преодолевая одышку, — многое бывало разных случаев... Дай бог памяти, может, в витязе нашем расскажать?..

— Верно, Шлангерги, — сказал Смел. — Это ты придумала неплохо.

Шлангерги умыблася бескровными, деревянными губами и взглянула на молодого человека, не покрываясь головы.

— Ну что, будь у — то есть? Старик прыгал тяжелые веши и, моря, покачиваясь, показал свою роспись. Красные и главные вальцовь бяко запрыгали, занесли в голову каждое слово. — Давным-давно, — рассказывала старик, — жил на сакенской земле человек по имени Абраския. Был он взятым. А взятым, да будет вам известно, никого и ничего не боялся. Витязь, да будет вам известно, никого и ничего не боялся. Витязь спрашивал, друзья и, честен, и город стоит за правду. Он добр и широк сердцем. Витязь не пьёт вина без друзей, хлебом делишься с близкими... Витязь, дочь мой, — тоже человек, но человек особой закалки, вроде стаи, из которой куют сабли, вроде железа, из которого высекают огонь, кроме машин, которая дает свет. Вот что такое витязь... Чуть я хочу сказать? Витязь — человек, но прибывает к этому ещë одно слово: настоящий, — и вы поймете меня...

Старик начая вышибать свою трубку, а затем не спеша снова начал её табаком. Это было немало времени. Наконец, затянувшись, он сказал, что придумал.

Сказал быть, жил витязь по имени Абраския. Быстро было вдохнуть у него и, как у каждого настоящего человека, быки, разумеется, и недури... Имел тот витязь в душе три ненависти. Первую ненависть к паноптикону, вторая — к злуому духу по имени Нуя, а третья — к аланам в лесу. А почему, спрашивается? Абраския говорил, ибо он был добр от природы: «Уничтожайте паноптион! Источник всяких болезней. Скигайте его на земле и сейте на пепел его!» И каждый, кто следовал этому совету, бывал в выигрыше, а выигрыши для крестьянства — веё, друзья мои! Абраския говорил, ибо он был настоящим человеком: «Ни кланяйтесь в пояс злому Нуя, ибо не он вам, а вы нужны! Ни кланяйтесь чреву! Так говорил Абраския, ибо он был от боязни за великого человека. Как же говорила, дочь мой: Абраския прервала и аланы в лесу: он раскосил их шашкой. Он твердила людям: «Я презираю злого Нуя, а аланы заставляют нас нагибаться, а Нуя, чего другого, может принять это на свой счёт — за наши земные поклоны». Так говорила Абраския, ибо она был настоящий мужчина. А что такое настоящий мужчина, моя doch? Это кремень, это твёрдый, непреклонный полис человек.

Старик задумался и долго безмолвствовал. Молодые люди обменялись взглядами: дескать, не утомился ли Шлангерги и не забрался ли он? Но старик рассказал эти сомнения, продолжая сказать:

— Я спросил вас: знаете ли вы, что такое настоящий мужчина? Да, вы должны знать: это тот, кто храбро смотрит вперёд и не боится смерти, её холодных и тёплых, её хладных и горячих, её стоячих и движущих, кто умён, кто умел, кто тут, под бровами, спо в голове. Настоящий мужчина всё видит и всё понимает. Но как се не является греха Был грех и у Абраския: неподобным себя считал (и в этом было доля истины). Он презирал осторожность, ибо не считал себя трусом, — и в этом было его несчастье. Но скажите, положа руку на сердце: разве осторожность и трусость — одно и то же? Нет, это вещи разные. Осторожек лев, трусок защищает... Люблю, стало быть, тот самый витязь джигитовку. Был у него конь по имени Арапша. Дишащ конь огнём... И вот однажды на морском берегу, который так любил Абраския, разостались враги свежие бычьи шкуры, и положили они те шкуры ширею на песок. Попробуй-ка, пройдись по таким шкурам, они скользкие, как лёд. И когда Абраския краем поглядел на берегу, то увидел, что сопливые аланы, Упав конь, подняла саблю, и номер свет в глазах витязя. А когда Абраския пришёл в себя, он сидел в глубокой пещере, что выше Голубого озера. Он сидел, прикрытый цепями к каменной скеле, а рядом с ним гладко жалею славный Арапша... И дал себе слово Абраския, он дал себе и народу, что вырвется на боле, непременно вырвется, и тогда все люди будут доволены жизнью и счастливы вплоть... — Старик помолчал и добавил с серебристым видом: — Не пытайтесь искать его, дети мои: Абраския уже на воле!

Шлангерги поглядела себе бороду, расправила усы и тяжело вздохнула.

— А что вы знаете о Гуниде и семи богатырях? — проговорил он.

— Меня интересует все, — сказала Гали.

— Ну, что ж, это можно... только в следующий раз... — сказала старик. Он поднял девушке руку, и ей показалось, что прикоснулась она к сухому грибу, который нашла начье утром на столешнице дубе...

Старик прикрыл тяжелые веки и, мурко покачиваясь, начал свой рассказ...

Свыше 300 молодых профсоюзников и юотов приветствовали участие во втором Всесоюзном совещании молодых инженеров. На снимке: общая вид зала Дома культуры "Правда", где проходило совещание.

Участники совещания молодых писателей [слева направо]
Николай Евдокимов и лауреаты Сталинских премий Юрий
Трифонов и Юлий Чепурин в перерыве между заседаниями.

Писатель Пётр Андреевич Павленко с молодыми участниками совещания.
Фото Г. Борисова.

Р. НЕДОСЕКИН

НА БЕРЕГУ КОРИЦЫ

Рассказ

В нашем селе красивых девушек нет. В Селизарах, Бекетовке, даже в Нижнем Тагиле, всего пятнадцати дворов, есть красные, а у нас нет. Наша девочка отроду одна. Если парень один попадёт в их компанию, Тут уж держись! Особено старшина Клава Петровой на глаза попадёт. А сама то Клава маленькая, нос клинчиком и веснушками. Обидно от такой вот неизвестности высушивать.

Маруся Парамонова, если разобраться, тоже далеко не красавица: нос у неё вздернутый, брови светлые. Но, во-первых, Маруся за высокий урожай премировали золотыми часами, а во-вторых, у неё — голос. Она у нас лучшая запевала в колхозном хоре. А вот в школе мы с ней учились в одном классе, но друг друга как-то не замечали.

Я в селе живу двадцать лет, с самого рождения — безвыездно.

Меня все знают, и я знаю всех. Часто я думал: люди ездят и в Арктику и на Дальний Восток, живут в больших городах, плавают по морям-океанам. Сын нашего председателя обучился китайской грамоте и теперь секретарь посольства в Пекине. Брат Клавы Петровой — Саша — мы с ним в детстве в футбол гонялись — скоро будет военным лётчиком. А другой — Петя, тоже Александр, сын колхозного сторожа Петрова. Петрович — знаток в науках колхозного хозяйства и строительство. У меня у самого есть такие способности, но как практик: собирается машины в ФЗО —правление не пустило, чтобы хотела отыскивать её с эксплинией, которая в нашем селе почевала... мать расплакалась: «Куда ты из дома на чужую сторону?» Я просил председателя: «Поручите мне что-нибудь ответственное; а то, честное комсомольское слово, пропадают!.. Он пообщался: «Поручу!»

Председатель колхоза у нас Василий Васильевич Стукачёв. Мужчина строгий, с характером. Выывает однажды меня вправление, велит сядиться и говорит без обиняков:

— Вот что, товарищ хороший. Нужны кирпичи, понял? Тысяч десять на первое время. Через месяц подай их мне, понял?

Я сижу и думаю: где же мне кирпича достать? На дороге не является. Василий Васильевич достаёт из старенькой планшетки карту и тщетно пальцем.

— Вот, — говорит, — квадрат восемьдесят четыре — сорок шесть. Попстрочь, — и обстоятельно мени кирпичом. Мне он для строительных фирм нужен, понял? Но по академическому проекту будем строить. Людей тебе виделъ. Вывод.

Наш председатель во время войны старшиной роты был и любит разговаривать по-военному.

Посмотрел я тоже на карту и вижу, что страшный квадрат — всего-наповал овражек на берегу нашей Корицы, километрах в двух от села. Строительной практики у меня никакой. Но я долго раздумывать не стал. И не то что я очень Василия Васильевича боялся, а просто решил, что строить завод интереснее, нежели заготовкой дров заведовать — такая у меня должность, — и согласился. Василий Васильевич выписал мне мандат, вырвав листок из записной книжки, и направил

в гараж получать в своё временное распоряжение полуторку и разные кирхи-мотыги, которые, оказывается, уже были приготовлены.

Корица не Волга, и не Дона Ребята, когда им надо нарезать цицерву, передвигаются на бородавках. Но на берегах заливов души и травы там разрастут душистые и сочные. Весной с дугой тянет медовыми запахами и на всё село разносится стекраные кузнецников и стук коростелей. А летом на лугах стоят огромные кони пчёлы и в селе воздух становится душным, как на сеновале.

Вылезли в моё распоряжение молодёжную brigadu. В brigade одни девушки. И brigadirovs у них Маруся Парамонова. А должен вам признаться, что план строительства со всеми подробностями изготовил один техник в районе, и моя задача — следить, чтобы от этого плана не отступали ни на шаг, и обеспечивать brigadu необходимой техникой и орудиями производства. Я никому не дечат, даже Марусе, не сказал о плане: пускай, на всякий случай, думают, что самолично рукожопку строительством. Дело не в самолюбии, а в дисциплине. Меня Василий Васильевич предупредил:

— Дисциплина — закон жизни, понял? Основа основ. Без дисциплины — кукуда.

Я это прекрасно понимаю. У меня на заготовке дров зимой тоже девчата работали. И бригадир из них Маруся Парамонова. Я им: «По пять кубометров в день на брата напильни, хоть лопни!», — а они: «Серёжа, милый, что, ты хочешь из нас лесорубов сделать? Скажи спасибо, если все вместе столько напильни...» И ведь как работали! Не пять, а семь кубометров напильни! Такие уж девчата в нашем селе: горы суются, но прежде дай им наговориться вволю.

Начали работать. Затромбовали площадку — здесь поставим развалку, когда ей изготовят в кузнице. Здесь заложим печь обжига. Нужны клети для сушки кирпича. Ямы под ящики для замешивания глины... Работы много! Василий Васильевич прохаживается по участку, руки заложил за спину, ноги ставят аккуратно, чтобы хромовые сапоги не запачкать.

При Василии Васильевиче какой я начальник? По штату черновой работой мне заниматься не положено, но руки в брюки стоять собственно. Тем более, что если девчата мою бездеятельность заметят, жди от них подвоха. И так Валя Кирilenко с меня глаз не спускает. Хочется ей сказать что-нибудь едкое, но терпит из-за Василия Васильевича.

Маруся срезает лопатой дёрн. Я подошёл к ней:

— Дай-ка помогу.

— Помогай.

Стали вдвое резать. Она вырубает лопатой в траве прямоугольники, а я поднимая на своей лопате пласти и складываю в кучу. Солнышко жарит в спине. А Маруся рубит да рубит промтогуловники в зелёной траве, и угнаться за ней нет возможности. У меня в пояснице шевельнулась иголочка, колынула раз — другой. Маруся спрашивает:

— Устал, поди?

— Что ты, отчего здесь уставать? Детская работа!

Василий Васильевич побыл с нами, надвинул на лоб армейскую форму с потрескавшимися щохьком, оправил на себе гимнастёрку с одесскими колодочками и пошёл в село. А мне наказал:

— Вести работу на должном уровне. Отбой играть в двадцать пол-полы.

Тут началось.

Кириленкова, как только Василий Васильевич ушёл, бросила на землю чурбак, которым трамвайная площадка, кричит:

— Серёжа, обедать нас пустить или с голоду помирать?

Пусти их, а воротится ли изгад?

Марусь посмотрела на меня, поправила волосы и за меня ответила:

— Погоди с обедом, рано ешь!

Её слово — камень. Понять не могу, отчего она над девчатами такую власть имеет.

В полуночную жару тишина стоит над селом и лугами. Цветы сверкают лепестками и никнут к земле, до вечера виноградные ветки, дногорам поднимаются да так и стоят жёлтыми тучами пыли. И тут вдруг Марусь тихонько запела песню. Колпак и поёт, и губы у неё почти не шевелятся, а песня с каждым выдохом звонче и крепче. И, знаете, не могу этого объяснить, но голос с Коринами задул прохладный ветерок, а земля стала сырой и лёгкой.

Вернется я сколько раз Марусю за свои девятнадцать лет видел, а тут она для меня совсем с другой стороны открылась. Голос то, что это птицы, тогда голос у неё замечательный, а вот какая она ловкая, и руки загорелые и круглые, и какие волосы пышные, все в мелких завитушках...

Кончились рабочий день.

Слышили, как брачные девушки покоят? От их песен сердце щемит сладко-бально. Идея брачной — во друга трава не колола, руки на полный взмах — левом, правом. Марусь, как командир, скобу колонны, сама ротонда средь подруг, самая прописанная.

День золотом растёт наш завод. Сперва окончания только кучи глины, ямы, кое-где столбы вкопаны, затем печники огромную печь сложили с решёткой наверху, плотники нацев из жердей и старых досок соорудили. И колхозники слово «завод» уже всерьёз произносят, а строители не перчат мне, как бывало, а кое-кто даже Сергеем Ивановичем называет. А у меня забот по горло. Железа достаточно — раз, гвоздей лишиных килограмм у кладовщика выпросить — дава, каждому указать рабочее место и дневное задание — дай — три... А вечером на инструктаже к Василию Васильевичу. Вместе чертежи рассмотрим, Василий Васильевич подскажет, что наперёд сделать, а что потом, и пообещает:

— Уложитесь в срок, в долгую не останусь...

Всё хорошо, а вот с девичьей бригадой у меня всё же не клеится... Фактически девчата слушаются только Марусю: если я что говорю, они на Марусю смотрят. Та бровью поведёт — будет сделано, а если голову отвернёт и вид у неё безразличный — никак не сделают... А я, понимаю ли, за последнее время разучился с ней разговаривать. С другими — пожалуйста, а с Марусь слово не подберу. Это оттого, наверное, что онаично чему-то улыбается. И хотя это её особенность и я раньше привыкал, теперь мне её улыбки — нож острый... И, чтоуже, уложиться, буде марусиной помощи я обойтись не могу.

Как-то подвернулся случай, мы с ней глазу на глаза остались. Я говорю:

— Товарищ Парамонова, прошу сего дня в мон личные распоряжения и хозяйственные дела не вмешиваться, — и для большей убедительности спросил, как Василий Васильевич... Понятно?

— Непонятно, Серёжа, — ответила Марусь и улыбается. Рот у неё большой, губы яркие, зубы плотные, белые, как горошинки в стручке. А глаза серые, ясные... — Непонятно, Серёжа, — повторила Марусь. — Единолично колхозное дело не делают. Ну-ка, где у тебя план нашего завода спрятан? И давай посмотрим его и других девчат посмотрят позовём. Вот у же заметила, что мы вырыли ни для чего. Может, и другие неполадки найдём...

Заглянула на свои часики и кричит девушки:

— Девочки, перерыв десять минут, идите сюда!

Делать нечего, вытащила я бумаги из внутреннего кармана пиджака. Девчата сели на траву, так и так повстречали чертежи и прямо-таки рационализаторские предложения стали вносять.

Это летом же нам пишни в землю опускать, в которых глину замешивать? Зачем нам пишни, когда наш завод на самом глиняном месторождении стоит? В ямах будем замешивать! — кричит Валя Кириленко.

— И колодки не надо, — вставляет свой слог Клава Петрова. — Речка близко, насос поставить, вроде пожарного.

— А сушника маленькая на плани, — улыбается Марусь. — Сушнику надо в три раза больше.

Вечером я докладывал Василию Васильевичу. Он выслушал, вскочил со стула и стал крутить руку телефона.

— Соедините меня с товарищем Гарюшкиным, — командует Василий Васильевич. Это он

к главному бухгалтеру. Главный бухгалтер через минуту отвечает сонным голосом:

— Алё, я у телефона...

— Ты на пиняно деньги перевёл?

— Да какое-то пиняно?

— Ах, на это!.. Не перевёл ещё.

— Я тебе утром распоряжение отдал.

— Я запомнил...

— Сейчас же перевёди!

— Да куда сейчас...

— Товарищ Гарюшкин, — раздельно произносит Василий Васильевич, — моё последнее предупреждение: из тех двух миллионов ста сорока тысяч восемьдесят двадцать рублей, что у нас на нашем счету, вывести в первую очередь сумму на музикальный инструмент и записать в расход по культурно-бытовой статье. Понял? Пиняно и завтра в восемнадцатом пол-полы приду в клуб на звучание пробовать, понял? Тонка. Всё.

Ночью мне приснилось: в густых садах стоят весёлые красные домики под деревенскими крышецами, улицы ровные и прямые, как ученические линейки, по ним разгуливают девчата, песни поют, Марусь в белом платье дирижирует, а Василий Васильевич подпасает девчата старшинским баком. На следующий день я про это солгал рассказав Марусе, когда мы струхнули стройматериалами с полтухи.

— У кого сон? Я умею отгадывать сны, — приступила на меня свою глаза Валя Кириленко, усмехнувшись, повела плечами... — Твой сон, Серёжа, от влюбленности...

Сказала тоже, сама не знаю, что! А девчонки уже подхватили:

— В кого, Серёжа, влюбился? А, знаем, знаем, знаем...

Представьте себе: они знают, а я не знаю! Обрадовались, что я покрасил, одна перед другой старайтесь:

— Пропал наш начальник!

— Люблю не картошка, но выкапывать за окошко!

А Клава Петрова ухватилась пальцами за юбку, локти отвела в стороны и пропела:

Над речной горой,

Под горой вода,

Если милую полюбишь,

Не забудешь никогда...

Я ожидал, что Марусь одёрнет девчят. А она слушает, улыбается. Штобер Трифон Петрович высунул ложматую голову из кабинки, кричит мне:

— Весёлая у тебя жизнь! Малина!

Марина разговаривала. Петрович ухала. После этого инцидента у меня на душе было вялодно. Сам чувствую, какие движения у тебя деревянные, голос совсем неестественный, и вообще, смотреть на тебя можно, должно быть, очень смешно. Марусь словно невзначай приблизилась, улыбается — ей-то одно веселье — и спрашивает:

— Серёжа, что ты как чужой между нами? Разве так можно? Кро-ме приказаний, слова от тебя не услышишь.

— А хотя бы и чащушки!.. Вот приноси под вечер гармошку, такой концерт устроим! Я девчата скажу, что принесёшь?

Тряхнула волосами, голову чуть подняла — у неё такая привычка — и отошла к подругам.

У меня дома бани, а вовсе не гармошка. У нас вся семья музикальная: отец баянистом был, старший брат, который сейчас в Бородяже, и меньший, Витька, играть учится. Пришёл я домой в обеденный перерыв, достал инструмент из футляра, потрогал пальцами — уважить марусину просьбу или нет? Мать на стол вареники поставила, сели обедать, а в голове всё этот вопрос вертился.

— Уж не заболел ли, сынок? — спрашивала мать. — Третью тарелку себе накладывала.

Еши, не жалко, только бы чего не вышло...

И всл-таки взял баян. Маруся спрашивает:

— Принес?

— Да.

— Спасибо, Серёжа!

Мы теперь на работу выходим рано и кончаем, когда стадо пригноят. Дневное задание девчата вырабатывают к четырём, а что после — сверх плана. Кончат работу — все на речку. Шум, визг, вода фонтанами из неба взлетает, а на меня девчата кричат: «Не подходи, утонешь!». Согласно домой никто не пошел, собирались на площадке. Площадка — только танцевать, ровная, круглая, как сковородка. Маруся кричит:

— Серёжа, польку!

Развел я меха, понюхал с ленцой, будто по обязанности, но пальцы сами по ладам скакут, а девчата ждут, парами на площадке выстроились. И пошло, и пошло...

Вдруг из села прибегает маленькая девочка к Марусе.

— Василий Васильевич говорит, говорит, одной ногой здесь, другой там.

Жаль мне было, что нарушились танцы. Эх, Маруся...

Побежала, даже головой не кинулась... А в селе суматоха, ребяташки стаини бегут к клубу. Там шестеро грузинок сняли с автомашин обвязанным рогожками огромный ящик и проталкивали его в дверь здания. Василий Васильевич подает совет:

— Давай, Маруся, сюда, сюда, сюда!.. Ты Ева! вправь...

И въехал ящик прямо на клубную скамью. Сняли рогожки — новенькое чёрное, с зеркальным блеском пинетто, подарок нашему хору от правления колхоза. Василий Васильевич приторкнул крышку и остороженько тронул крайнюю краешку. Затем нажал следующую.

— Культурную поёт...

А наши девчонки как прибежали, окружили Василия Васильевича, чуть на шею ему не вешаются. И ничуть меня дороже подарок не обрадовал: вышел я из клуба и пошёл за селом. На востоке, куда убегает степь, густина пахучие синие сумерки, а на западе, где наше село, электрическое зарево темноты не подпускает и небо над селом бледно-пепельное, беззведное. Жёлтые фонари, как свищущие яблоки, пунктирно обозначены улицы. На площадке перед правлением со стобой говорят радио. Спит село, только в клубе да в редких хатах светятся окошки. И среди них где-то марусино окошко...

***

Через полмесяца шофёр Петрович отвёз первую партию изготовленного кирпича на место строительства новой молочно-товарной фермы. Марусин бригада вернулась на поля. Без девчата будто осиротел наш овражек. Правление командировало на постоянную работу на завод пять пожилых мужчин. А меня самого вызвали к себе Василий Васильевич, усадили, как и в первый раз, на стул, достал из кармана коробку папирос, но угощать раздумал — нечего, мол, баловать,— спрятал папирос обратно в карман и сказал без обиняков:

— Вот что, товарищ хороший. Поешьма учиться, понял? Не средства колхоза. В керамический техникум. Говори без промедления: имеешь желание?

Я и я стал медлить с ответом. Василий Васильевич расстелил на столе свою старенькую армянскую картуз-двухбрёвку, любовно разгладил её ребром ладони:

— Вот на площадях этих квадратов будем агрогород строить... Кадры нужны!

Когда человек уезжает, он становится смелым. Вот и я, пришёл к Парамоновым, постучался:

— Маруса дома? Простишь зашёл.

— Заходи, Серёжа.

У Маруси в горнице стены чисто побелены, висят фотографии в рамочках, на этажерке стояла библиотека — Пушкин, Горький, Никитин, земляки наши... Сели мы с Марусей друг против друга, но смелость моя за порогом, видно, осталась.

— Уезжавши, Серёжа?

— Уезжаю.

— Уезжаю?

— Учишься...

— Три года... — говорит, будто вздыкает, Маруся.

Тут чёрт принёс Валю Карапенкову. Влетела в хату, затопала в прихожей, присунула голову в щёлочку двери, сладким голосом спрашивала:

— Не помешала?

Маруся, будто только и ждала ей, вскочила со своего места, стул придвигает, на столе самфетку поправливала.

— Вот у меня сегодня гостей сколько! Чем вас угощать? Хотите бражки?

Я отказался. И Валя тоже. Валя смыкала, что не во-время пришла, затормозила.

— Дай мне узор, который подушки вышивала. Я к тебе на минутку.

— Посиди, — упранивает Маруся.

— Нет, некогда.

Валя притягивает мое руку и говорит:

— Желаю, Сергей, отличной учебы. Жаль, на баяне играть некому будет. Вить ваш мал ёщё на вечорках играл. Ну, до свидания. И пиши нам всем или... — скосилась глаза на Марусю, — кому-нибудь, чтобы знали мы, как ты живёшь.

И всл-таки она славная, Валя. Маруся, конечно, вышла подругу проводить до крыльца.

А потом попрощались мы с ней в дверях.

— Напишешь, Серёжа?

— Обязательно напишу.

Сунула мне в руку — что бы вы думали? — кусочек кирпича, завёрнутый в платочек, закраснелась вся и вытолкнула меня из дверей.

...Вырастет город на берегу Каурицы, обязательно вырастет!

Николай СТАРИШНОВ,
участник Совещания молодых писателей

Родина

Над Родиной голубизна такая
и так светла, что больно мне смотреть.
И словес на зорьке, не смолкая,
готовы бесконечно петь и петь.

И степь успела празднично прибраться:
играя позолотой лепестков,
стоят ряды молоденчих акаций
и густолистных саженцев-дубков.

И в поле, в тёплых солнечных полосах,
согнувшись ивы в ручьях,
и русские красавицы-берёзки...

Как ты красива,
Родина моя!

Но разве только ивы да берёзы —
родной лейзаж?

...Прислушайся.
Смотри!

Дрожит от гула напряжённый воздух:
комбайны вышли в поле до заря.

В вечернем небе ширится сиянье —
марктеновские печи плюнят сталь.
И корпусы многоэтажных зданий
устремлены в заоблачную даль.

На сотни вёрст разбросано пространство:
и Днепр, и Волга, и Аму-Дарья
зажгут огни своих электростанций...

Как ты могуча,
Родина моя!

Ласточки

Давно позади
холода, и снега, и метели...

На улицу Горького

ласточки привлести.

Сиуют днень-деньской —
своему возвращению рады —

от площади Пушкина

и до Охотного ряда,

где солнце сверкают

витрины больших магазинов,

где липы стоят,

по-весеннему ветви раскинув,

где улицы светлой

идут демонстранты в колоннах,

где ветер весенний

шумит в первомайских знамёнах.

...Проносятся иизко,

над самыми головами,

и люди в их щебете слышат:

«Мы с вами! Мы с вами!

Зимой облетали мы

самые дальние дали,

но радостней празднества

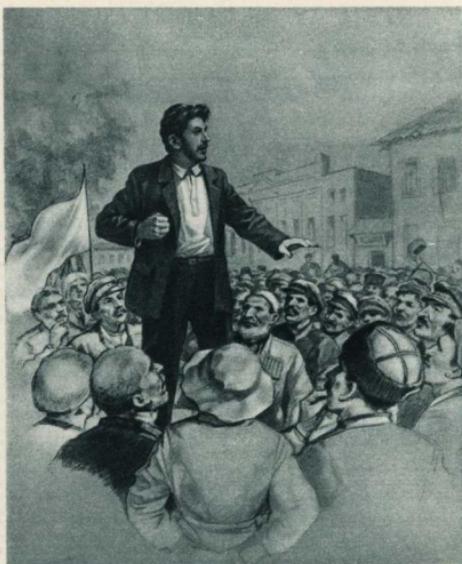
мы никогда не видали.

Мы были на юге,

мы много летали по свету —

теплой и приветливой

нашего города нету!..»

Первомайская демонстрация на Солдатском базаре в Тифлисе. 22 апреля 1901 года.

С рисунка П. Васильева

— Здесь, на этом месте, 23 апреля 1900 года происходил

ПЕРВЫЕ МАЕВКИ

Тёплым, погожим днём сюда, в каменистую ложбину, спрятавшуюся между невысоких гор, прибыла большая экскурсия студентов Тбилисского университета.

Теснотой и сумою обступили они коренастого человека с семью волосами на макушке и с величавым интересом слушают его рассказ.

Рассказчик — старый литеящик тифлисских железнодорожных мастерских, один из непосредственных учеников великого Сталина в ранний период его революционной деятельности — Георгий Нинуа.

— Вот здесь, на этом месте, где мы с вами стоим, — говорит Нинуа, — 23 апреля 1900 года происходила первая революционная маевка тифлисских рабочих. Здесь выступил на митинге Иосиф Виссарионович Сталин.

Это была его первая речь перед массовым собранием рабочих...

Главно и неторопливо течёт рассказ старого революционера, и перед взорами молодых людей, как живые, встают волнующие картины далекого, но такого родного и дорогое революционного прошлого...

...Молодой Сталин, руководитель тифлисской центральной социал-демократической группы, предстал провести революционную маевку и задал рабочим энергичную подготовку к ней.

Маёвка решено провести за городом, на окраине Солнечного озера. Подготовка ведётся в строжайшей тайне, чтобы не узнала полиция. И только накануне рабочим было сообщено о том, что рано утром они должны идти по направлению к Метекской горе, где их встретят и укажут дорогу дальше.

Ницко полицейских патрулей, провожаемые подозрительными, угрюмыми взглядами, проходят рабочие в праздничных пиджаках, белых блузах, косоворотках, в начищенных сапогах. У многих в руках скрещки, кошёлки со снежью: сегодня воскресенье, нерабочий день, и мастеровые идут гулять — кто за город, на лоно природы, кто в гости... Ведут себя мирно — не придерёшься...

Размытыми уличками и переулками идут рабочие — одни направо, другие налево; — но, выйдя за пределы города, все они — по одиночке, по двое — направляются к Солнечному озеру.

Собралось здесь до полутора тысяч человек. Настроение у всех радостное, приподнятое. Ярко светит солнце. В толпе алеют революционные лозунги. Над головами плывут портреты Маркса и Энгельса.

Начинается маёвка. Первым рабочими выступает организатор маёвки, давидцелитский юнкер закавказского пролетариата товарищ Сталин. Раскатанные искрами падают в толпу плавные стальные слова. Он привывает трудящихся подняться на решительную борьбу против царизма и капитализма, — и сильнее начинают биться сердца рабочих, сжимаются...

Да здравствует Первое мая! — неусыпно ликующие взгляды из толпы. — Долой самодержавие!

— Мы сейчас настолько уже окрепли, — говорит товарищ Сталин, — что в будущем году сможем провести маёвку не в горных ложбинах, а в самом городе, на главных улицах.

Произошло так, как сказал Сталин. Накануне Первомая 1901 года среди рабочих Тифлиса распространялись сталинские прокламации, в которых раскрывалось значение праздника пролетарской солидарности: «Рабочие всей России», — говорилось в одной из прокламаций, — решили праздновать первое мая открыто — на лучших улицах города. Они гордо заявили, что им не боится казацких нагаев и шашек, пыток жандармов и по-литейских...

22 апреля (ст. ст.) 1901 года тифлисские рабочие впервые выступили открыто на уличную первомайскую демонстрацию. В самом центре Тифлиса, на Солдатском базаре, в районе бывшего Александровского сада, собралось 2 тысячи рабочих. Над колоннами демонстрантов гордо вился красный стяг с портретами основоположников марксизма. Во главе рабочих шёл их любимый руководитель — товарищ Сталин.

Царские сатрапы мобилизовали все силы, чтобы сорвать демонстрацию. На рабочих напали казаки, полиция. Пошли в ход оружие, нагайки. Про-

первая революционная маёвка тифлисских рабочих, — рассказывал студентам Георгий Нину. — Здесь выступал на митинге Иосиф Виссарионович Сталин...

Фото Я. Халина

лилась кровь, 14 рабочих получили ранения, 50 демонстрантов были схвачены полицией и брошены в застенки.

Но запугать рабочих полицией не удалось. Демонстрация состоялась, и это сыграло огромную роль в дальнейшем развитии рабочего движения. Тифлисская демонстрация, как писала ленинская «Искра», была исторически значительным событием для всего Кавказа: она знаменовала собой переход рабочего движения Грузии от узкой, кружковой пропаганды к массовой политической агитации. Там, где в Тифлисе демонстрации становились в жизнь соединение социализма с рабочим движением, точно же, как это блестяще осуществлялось за несколько лет перед этим петербургским «Союзом борьбы», руководимым Ленинм.

...Вот о чём рассказывал тбилисским студентам старый революционер, очевидец и участник этих событий, Георгий Нину.

Это было полвека тому назад.

Много воды утекло с тех пор, много великих событий пронеслось над Россией, над седыми горами Кавказа.

Великая Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества. Изменилась жизнь людей, изменились и сами люди.

Владимир Ильин Ленин, выступая в 1919 году на первомайской демонстрации в Москве, говорил:

«Внуки наши, как диковинки, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утюжок. Ещё усерднее будут строить это здание наши дети».

Ленинские слова оказались пророческими. Мечта стала явью. В нашей стране выросло новое поколение людей. Студенты, которые пришли на историческое место первой маёвки, знают о прошлом только из книг, памятников да из рассказов отцов и дедов. Они никогда не знали эксплуатации, не приходилось испытывать гнета капиталистического строя. Счастливая их судьба: они родились иросли уже в социалистическом обществе, завоеванном и построенном для них отцами.

Им, представителям нового поколения, славной советской молодёжи сталинской эпохи, предстоит великое счастье построить и жить в ёщё более величественном и светлом здании коммунистического общества.

С чувством благоговения знакомятся молодые люди со священными для каждого советского человека местами, где гремели революционные битвы, где добывались свобода и счастье; с чувством величайшей любви и благодарности изучают они биографию великого Сталина, вся жизнь которого была посвящена служению свободному человечеству.

Через несколько дней участники студенческой экспедиции на Солёное озеро пройдут в колоннах первомайской демонстрации по нарядным улицам Тбилиси. Какой это будет светлый и величественный праздник! Как и во всех городах и сёлах необъятной нашей страны, сотни тысяч трудящихся столицы советской Грузии широким потоком заполнят площади и проспекты города. Это будет мощная демонстрация нерушимого единства советского народа, его горячей любви к социалистической Отчизне, неподдельной верности делу Ленина — Сталина; это будет единодушное выражение твёрдой решимости всех советских людей бороться за мир и отстаивать дело мира во всём мире от проникновения англо-американских поджигателей новых войн.

Проходя по улицам родного города со знамёнами и портретами товарища Сталина, многие из молодых участников первомайской демонстрации вспомнят, наверное, и ложбину у Солёного озера и Солдатский базар в старом Тифлисе... Вспомнят они, что во многих капиталистических странах за рубежом народы Родины, и сегодня ещё сотни тысяч угнетённых обретают свободу и радость на первомайском празднике, так же тайно и скромно, как когда-то собирались наши отцы и деды, чтобы помыть снегом из лица землю, на которой родился первый советский праздник.

Но приятно и радостно будет сознавать, что силы мира и демократии из года в год растут и крепнут и что во главе всего прогрессивного человечества идёт советский народ. Гордостью наполняют сердца молодых советских патриотов сознание, что сегодня, в Международный день боявой славы сибиряков, демократии и социализма, взоры всех трудящихся земного шара устремлены к могучему Советскому Союзу — оплоту мира и дружбы между народами, светочу и надежде всего человечества.

П. АЛЕКСАНДРОВ

Студенты на выставке «Электропромышленность СССР».
фото Ю. Чернышёва

Выставка советской электротехники

Полтинную выставку «Электропромышленность СССР» в Московском политехническом музее ежедневно посещают до тысячи человек. Здесь можно встретить рабочего и колхозника, инженера и студента, школьника и довоенного. Сюда приезжают люди из разных городов и сёл страны, чтобы ознакомиться с новинками советской электротехники.

В первом зале выставки представлены генераторы различных типов и мощностей. Одна из самых интересных машин — это генератор для питания сельских гидроэлектростанций — «В память Ильича». Эта станция была построена при содействии В. И. Ленина в 1921 году на реке Ламе, близ Болотникова.

Возле экспонатов студентов из Грузии задерживалась у макета турбогенератора. Это первый в ССР и один из самых мощных в мире генераторов с водородным охлаждением. Её конструкцию разработали инженеры А. А. Смирнов, О. А. Смирнова, Е. А. Ефимов, Е. А. Акимов, Е. С. Иванова, А. В. Титов и К. В. Данилов. Студенты Воронежского сельскохозяйственного института Нина Иванникова и Ира Лыкова с интересом рассматривают трансформатор трёхфазного тока в 60 тысяч киловольт.

Изделия электропромышленности занимают шесть огромных залов музея. В залах электротехники и автоматики можно увидеть машины из технической электрической утвари и экспонаты механизмов, изобретённых русскими учёными и инженерами в прошлом столетии. Здесь на специальном стенді стоит электродинамит постинного тока, изобретённый в 1880 году в Болдино Доброзвольским. Тогда же был изобретён короткозамкнутый ротор, изобретённый Долинко-Доброзвольским в 1888 году. Доброзвольский первым в мире применил трёхфазный ток и построил трёхфазный трансформатор, которые нашли широкое применение в промышленности.

Переходы от машины к машине, от стены к стене, экспонаты знакомятся с выдающимися достижениями науки. Всю выставку напечатали в журнале «Физический факультет МГУ» в книге отзывов: «Мы прослушали прекрасную тематическую лекцию об измерительных приборах и автоматике. Выставка — это своеобразный университет, где за короткое время можно получить хорошие знания о технике. Какие чудесные у нас машины, какие замечательные люди, сотворившие их!»

Я. СУХОРУКОВ

Владимир КАРПЕКО,
участник Совещания молодых писателей

Портрет

По стране идёт художник
Через реки, горы, дали,
С лёгким ящичком, мольбертом,
Остроглазый и весёлый.

Перед ним потоков горных
Искромётные стремнинам,
Океана необъятность,
Погребённые глубины,

Домам жаркие зарницы,
Пламя плавящейся стали,
И сверканье несметных
Самоцветов на Урале.

Даль дорог просторность неба,
Белычной Волги воды,
Дерзкий взлёт хребтов Памира,
И над ними — радиуголь.

Я встречал его в Сибири
Над байкальской глубиной,
В ясных далах Украины,
Где хлеба стоит степью.

Под горячим солнцем Крыма,
Средь листвы светозелёной,
Он стоял перед мольбертом,
Улыбясь затеяно.

Я спросил его однажды:
— Для чего тебе все это?
Он ответил, улыбаясь:
— Это надо для портрета —

Всей Отчизны наша краски,—
Для портрета человека,
Что в сердцах народов мира
Стал сейчас портретом века.

г. Симферополь.

Евгений ЕВТУШЕНКО,
участник Совещания молодых писателей

Память Маяковского

Гомоном альются
нашей Москвы
площади,
улицы

и мосты.

В искристом инее
утра московского
площадь

имени Маяковского!

В недра
наклонные лестницы тянутся.

Светлохолонная...

шумная станция...

На шины машин
ветер намотан.

Идём,
спешим,

вдруг —

вот он!

Синим полотнищем
небо над ним.

Здесь мы на площади
с ним говорим.

Газ в дому,
арки гостиницы

от нас — ему
подарки-гостицы!

Солнечность лет
явится, сбудется!

С нами поэт

работает,

трудится.

Здесь мы,
мечтая,

проходим, взвоюанные,

Словно читаем

стихи его новые!

Василий Ламовой со своими друзьями. Слева направо: скреперист И. Попицук, бурильщик Н. Сторчевай, начальник участка Г. Гончаренко, Василий Ламовой, горный мастер В. Плохой, скреперист Л. Мандрыка и бурильщик М. Хандусь.

Фото Б. Художникова

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Борис КАУРОВ

Василий включил радиоприёмник и сел за письменный стол. Сегодня почта была особенно обильной: на столе лежало десятка два писем. Последнее время почтальон каждый день приносит ему разношерстные конверты из самых нежданческих мест: Донбасса, Комсомольска-на-Амуре, сдалыхих пограничных застав, из районов строительства Туркменского канала...

Взгляд Василия остановился на сером с крапинками конверте. На нём стояла этикетка: «Международное».

Письмо было из Болгарии. Василий до этого никогда не получал писем из-за границы. Осторожно разрезал он лезвием бритвы края конверта и, подивившись поблажке настольной лампы, быстро пробежал глазами первую страницу.

Письмо было от девушки, учащейся железнодорожного пансиона города Терново Виолетты Петковой. Она писала о том, что в их поезде был помещён портрет Василия. Жизнь и работа молодёжи должны интересовать и волновать интересуют её. Поэтому она и решила обратиться к нему.

Девушка подробно рассказывала о жизни болгарской молодёжи, о своей учёбе, о переменках, происходивших в её городе за последние годы, о борьбе народа за мир. В конце письма Виолетта проясняла: «Позвольте мне, какой день был самым знаменательным, самым счастливым в Вашей жизни и в чём, по-вашему, заключалось смысл жизни?»

Василий встал из-за стола, подошёл к окну и поднял штору. Вдали уходила широкая улица. По обеим сторонам, как бы выстроившиеся по ранжури, ярко горели фонари, освещая многоэтажные здания. И там, где огни фонарей почти сливались над склоном горы, вспыхивали и гасли огни горела большая пятиконечная звезда. Это его родной город «Гигант».

«Так какой же день был самым радостным у меня?» — пропищала Василий. Он долго стоял у окна. Сменяя друг друга, перед ним проходили картины недавнего прошлого. Сейчас ему было немногим больше двадцати лет. Он уже видел много хорошего. А сколько счастья ещё ждёт его впереди!

Василий опустил штору и снова сел за стол. Взволнованный вопросами болгарской девушки, он решил рассказать ей о своей юности, о друзьях-товарищах, о счастливой судьбе советской молодёжи.

...Вот он вышел из трамвая, полросток в серой кепке и рабочих сапогах. Был субботой, погода была прекрасной.

Он огляделся по сторонам. Перед ним раскинулась пустыня. Несколько чеканых ходил по нему с аппаратами на треногах, смотрел в тонкие металлические трубы и махал руками своим помощникам, переносившим с одного места на другое длинные с красными и белыми полосками рейки.

— Это планировщики, — раздался голос рядом.

Он оглянулся. Beside него стояли два паренька примерно такого же возраста, как и он.

Они разговаривали.

— А мы тоже в ФЗО, — сразу же оживившись, сказал один из ребят. — Я почти что местный, из села Азазовки.

Так Василий Ламовой познакомился с Николаем Сторчевым и Григорием Гончаренко.

Скоро они уже беседовали так, словно были давнишними друзьями. Вместе пошли они в школу ФЗО.

Началась новая жизнь для семнадцатилетнего колхозника Василия Ламового и его товарищей. Был ли этот день знаменательным? Да, конечно.

Василий припоминал всё дальнейшее.

Новичков решали познакомить с шахтами, где им придётся в будущем работать. Одна из дверей запомнилась. Привели их на близкайшую шахту «Гигант», одели в спецовки, выдали лампы. Когда касТЬ стремительно понеслась вниз, Василий охватил страх. Но мастер спокойно объяснил:

— Сейчас мы спускаемся на сотый горизонт.

В руднике они пробыли около четырёх часов. Ребятам всё здесь понравилось.

Незаметно шли дни и недели учёбы.

В школе ФЗО было немало комсомольцев. Они проводили репетиции драматического кружка, помогали друг другу в занятиях. Василий тоже стал готовиться к вступлению в комсомол.

Школьный Василий окончил на «отлично».

На выпускном вечере директор школы, обращаясь к выпускникам, сказала:

— Сегодня вы получили аттестаты рабочей зрелости. Наша школа дала шахтам немало квалифицированных кадров. Десятки наших воспитанников стали стахановцами. Будьте достойны своей школы, берегите её честь.

Василий был назначен бурильщиком на участок № 5 шахты «Гигант». Это одна из крупнейших горнорудных шахт не только в Криворожье, но и во всём мире.

Горный мастер отвёл ему забой. Старый горняк внимательно следил за новичком. Василий взял необходимого размера бур, вставил его и включил воздух. Молоток заработал, дрожа и вгрызясь в палсту.

Первый свой забой Василий обработал чисто, по всем правилам. И горняк открыл им путь в самом хорошем настроении.

— Достаточно четыре процента. Для начала исплохо, — сказал мастер.

В первые дни работы в шахте всё шло гладко. Но однажды, спустя неделю, он пришёл в общежитие расстроенным, ни с кем не разговаривая, лёг на свою кровать и накрылся с головой.

Успеть он не мог. В ушах всё ещё звучали слова мастера: «Разве тебе государство нуждалось для того, чтобы ты ломал дорогу горному инженеру и только наполовину исполняла норму? Если так, то мне такие работники нужны! Я поклончу, чтобы тебя перевели отсюда на другой участок...»

«Работники!» — Это слово больше всего залезо Василию. Он понимал, что мастер, в сущности, прав. Но в глубине души Василий искал оправдания себе. «Ну, хорошо, сломал бур... Ведь это может со всяким случиться...»

Рядом разговаривали ребята.

— Кому что нравится, — говорил Коля Крючков. — А я вот поработал годика два на шахте, а потом пойду учиться в институт. Хочу приехать погорести в свою колхоз инженером.

Василий стал прислушиваться.

— А мне хотелось бы стать мастером, — отозвался другой ученик, — инженера пока ещё рано, начнёл надо вечеринку школу окончить.

Об этом самом мы и пришли потолковать с вами, хлопцы, — раздался вдруг знакомый голос.

Василий приподнял край одеяла и увидел мастера. Тот смотрел на него и лукаво улыбался.

— Вот и Василий проснулся, — сказал мастер, — теперь можно и потолковать.

Рядом с мастером сидел секретарь комсомольской организации шахтоуправления Николай Шмактов.

— Сегодня мы крепко поговорили с Ламовым, — сказала, обращаясь ко всем, мастер. — Был грах, погорячился я немножко. Он сломал бур. Правда, порча невелика, я уже исправил бур. Но дело не в том, что я сломал бур, а в том, что сегодня более двух часов не работал из-за этого. А получилось так потому, что у вас ёщё нет настоящей горничной прямоты.

От этих слов Василию было стыдно, и в то же время на душе стало как-то светло, радостно. Вот только несколько часов назад этот старый криворожский горняк отчитывал его, а сейчас сам пришёл в обжигательное, и как отец, беседует с ребятами.

— На шахте у нас организуются стахановские школы, — продолжал мастер. — Учить будут знатные шахтёры, мастера, инженеры. Я тоже буду руководить группой.

— Иван Иванович, запишите меня! — горячо попросил Григорий Гончаренко.

— И меня!

— И меня! И меня! — искалось со всех сторон.

Васильевская школа сладко и подсыпала в стол:

— Вам — простите меня, Иван Иванович!.. Очень прошу: запишите меня в свою группу.

— Вот и правильно, а я, грешным делом, подумал, что ты не пойдёшь ко мне. Рассердился, думал, наверное, хлопец...

Так началась крепкая дружба между опытными кадровыми горняками и недавними учениками ФЗО.

Когда человек много и упорно работает, он не замечает времени. Так было и с Василием.

Упрямый, любознательный Василий ёщё тщательнее готовил инструмент. Изо дня в день росли показатели его работы.

Вечером, прия со смены, он садился за книги, изучал механизмы, схемы устройств подземных сооружений.

И вот пришёл самый знаменательный, самый счастливый день. Перед началом смены секретарь Дзержинского района АКСМУ вручил Василию комсомольский билет.

Вечером он вместе с друзьями пришёл в бухгалтерию шахтоуправления. Касирша, ласково взглянув на русоволосого улыбающегося паренька, с каким-то особенным уважением сказала:

— Хорошо вы поработали, Василий Иванович. Вам начислено две тысячи сто тридцать рублей.

У выхода, в скверике, он увидел группу рабочих.

— Василь! — окликнула его кто-то. — А ну, бегом сюда!

И когда он подошёл, они дружно скватили его и стали качать.

— А теперь смотри, — показала ему рукой один из рабочих.

На Доске почёта рядом с прославленными горняками шахты красовалась и его имя...

* * *

Таким был самый счастливый день восемнадцатилетнего юноши, в прошлом обыкновенного колхозного паренка, а ныне стахановца, знатного бурльщика Криворожского бассейна Василия Ламового.

Уже два года работает на «Гиганте» Василий Ламовой. Шахтёрский городок стал для него родным домом. На его глазах на берегах широкой красной улицы...

Изменился и сам Василий. Он возмутился, окреп, стал шире в плечах. Молодой горняк овладел передовыми методами прославленных криворожских горняков Семёновских, Митрофановых, Троицких и других. Он один из инициаторов внедрения на «Гиганте» скоростной проходки. Сменины задания Василий постоянно выполняет на 180—200 процентов. Его ежемесячный заработок в среднем составляет 4—5 тысяч рублей.

В один из выходных дней Василий Ламовой ходил возле своего дома и что-то забавно подсчитывал.

— Здесь я хочу построить гараж, — сказал он. — Деньги уже есть. Летом покупу машину и поеду на неё к матери, в село Приморское. — Помолчав немного, он добавил: — Думакут купить «Лобзик».

А ведь такой же широкий путь, как у Василия, открылся и перед всеми друзьями его товарищами по школе.

Григорий Гончаренко недавно окончил курсы и теперь работает мастером участка № 13. Его смена занимает первенство на шахте. Николай Сторчевой работает бурльщиком на участке № 7. Оба они стахановцы.

Сейчас школа ФЗО преобразована в горнопромышленное училище с двухгодичным сроком обучения: передовые методы труда требуют высококвалифицированных рабочих.

Часто по вечерам молодые горняки приходят в гости в родное училище. Они рассказывают его новым питомцам о своей работе, о том, как они сняли храны и привнесли традиции школы, когда для них им почетные профессии, путёвку в большую трудовую жизнь.

Из окна здания шахтоуправления открывается панорама Дзержинки. Прямая дорога ведёт в парк, засаженный каштанами и сиренью; вправо и влево от парка расходятся широкие улицы. В новых, благоустроенных домах живут горняки. А дальше начинаются шахты «Гигант», «Коммунар», «Первое мая», имени Ворошилова.

Беспрерывно вращаются огромные металлические колёса, над колесами ярко горят пятиконечные звезды. По железодорожным путям, проведённым под самыми дробильно-сортировочными фабриками, заливаемые гудками, бегут грузовые поезда. Остановляются составы с рудой, подают их на большую мастерскую. День и ночь идёт под землёй битва за руду. Молодые горняки — многочисленные друзья Василия Ламового — работают, не жалея сил. Шахта для них — передний край борьбы за мир, за коммунизм.

«Сделай, Родину ёщё счастливее и могущественнее, трудиться так, как требует великий Сталин, — вот в чём смысл жизни».

Эти заключительные слова письма Василия Ламового к белогорской девушке Виктории ярко выражают то, чем живут юноши и девушки Советской страны.

г. Кривой Рог.

Андрей ДОСТАЛЬ

МОЛОДЕЖНАЯ БРИГАДА

Самшт в небе голос журналистки,
Волны ударяются о камень.
Близится весенняя пущина,
Ходят рыб в море косяками.

Выйти бы бригаде на просторе,
Только вот погода осерчала.
Свёрнуты пружинистые сети,
Катер истомился у причала.

А из бухты выбраться не просто,
Если море стало закипать.
Грозное дыхание порд-оста
Лодки поверачивает вспять.

Море бьёт о каменные глыбы.
С бригадиром спорят младёжь:
— Волны — волны, а рыба — рыбой,
Ведь еб упустишь — не вернёшь!

Бригадир, годком постарше, видно,
На море взглянув из-под руки,

Говорит степенно и солидно:

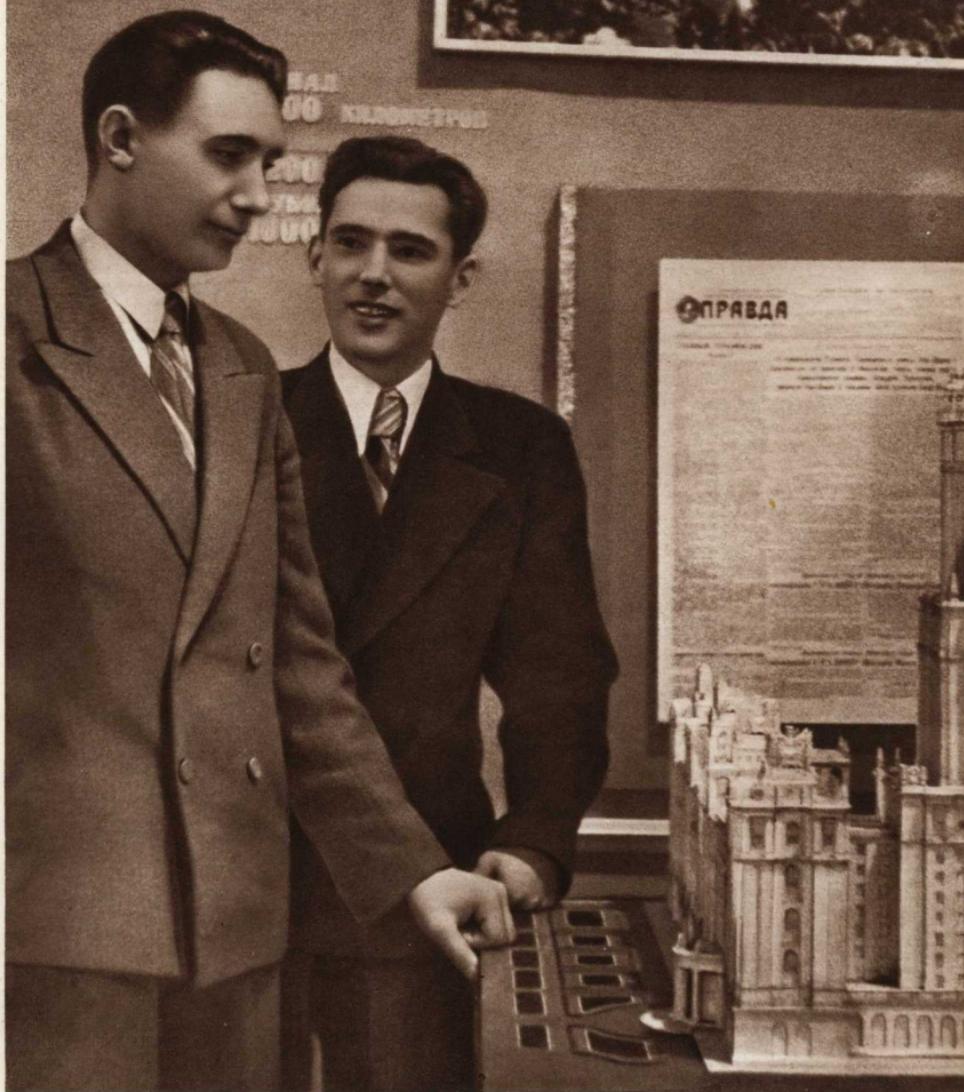
— Больно вы горячие, сныки!

Кто ж в такую бурю пустит лодки —
Захлебнётся волами мотор!
Вашите, передают по сюжету,
Послезавтра прекратится штурм.

Но назавтра сордце не стерпело
(Вроде как и волны посальбей),
Бригадир махнул — и закипело!
И снялась бригада с якорей.

С ледяной пеной солёной
Ветер было бросился на грудь.
Но притихли волны удивлённо,
Расстуялись и давая путь.

И кричали чайки на просторе,
Рыбой набухали невода.
Ведь недаром это — наше море,
Наша черноморская вода!

Лауреаты Сталинских премий сталевар сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» Пётр Тушинов и бригадир московского завода «Калибр» Владимир Уткин.

Фото Г. Борисова.

Сцена из отечественного Сталинского премьерного спектакля «Санта-сюзанна»
в Государственном театре оперы и балета Латвийской ССР.
В центре — наулет Станиславский, справа — звезды А. А. Прунга.

ЖИЗНЬ—ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

Недавно в Москве закончилось второе Всесоюзное совещание молодых писателей. Это одно из важнейших событий в литературной жизни страны за последние времена, и не удивительно, что оно вызывает в сердце каждого писателя, старого или молодого, целый ряд мыслей, замечаний, выводов, хочется поделиться своими наблюдениями...

...Светлые коридоры и комнаты здания ЦК комсомола гудят от молодых голосов. Здесь после пленарных заседаний проводились творческие семинары прозаиков и поэтов.

Всегда сопутствуют споры, молодые литераторы читают стихи, разговаривают...

Можно было встретить здесь и добрянского шахтёра и морика, приехавшего с Балтии, и ленинградского конструктора, и офицера- дальневосточника, и казахского учителя. Всё это было единично — любовь к самой передовой литературе в мире, к советской литературе, стремление к творческому участию в ней.

Триста начинающих прозаиков, поэтов, драматургов получили от своих старших товарищ по курсу самую разностороннюю, справедливую критику. Неписческое разнообразие тем, сюжетов... Та взволнованность, которая присуща людям, имеющим чётко рассказать миру,чувствовалась у всех участников совещания. Невольно приходила в голову мысль: так хорошо наша жизнь, так вдохновна работа, что о ней нельзя не петь...

За последние годы велись за признанными мастерами-писателями М. Бубновым, С. Бабаевским, О. Гончаром, В. Ахавовым, М. Аукониным и другими, в литературе прочно вошли молодые участники прошлого совещания С. Антонов, Ю. Трифонов, П. Воронко.

Не удивительно, что уже здесь, на Втором совещании, мы услышали ещё целый ряд новых имён талантливых начинающих писателей, получивших одобрительные отзывы как руководителей семинаров, так и самих делегатов. Мы не ошибимся, назвав прозаиков омича С. Залыгина и дальневосточника Н. Шундика, тамбовского драматурга Д. Девятова, украинскую поэтессу А. Зашанту многих, многих других.

Характерно, что наиболее интересны, наиболее удачными приведены были те, в которых чувствуется глубокое знание жизни, связь с ней. Когда писатель черпал свои образы из жизни, вдохновлялся идеями коммунизма. Нередко сама жизнь делает человека писателем, поэтом. Так, например, было с Глебом Пагиревым, ленинградским инженером, бывшим фронтовиком, участником семинара, на котором мне довелось быть одним из руководителей.

Больше половины его книги посвящено теме послевоенного труда. Среди стихов есть немало удачных, но в некоторых ещё не хватает той взволнованности, которая присуща его военным стихам. Стихотворение «Сталь» доказывает, что Г. Пагирев сможет овладеть и темой труда.

Вот Фёдор Жычка, застенчивый юноша из Белоруссии, моряк. Он начал писать стихи совсем недавно. Но стоит прочесть хотя бы подстречники его стихов, как сразу ощущаешь и широкий кругозор поэта, и поэтическое мастерство, и идеиную застремлённость его стихов. Тепло и вдохновенно пишет он о жизни совет-

ских моряков, о любви к Родине, о мире. Его стихи о колхозной жизни полны светлого юмора и сердечной теплоты.

Не менее привлекательно и творчество белогородского поэта Сергея Викулова. Интересны его стихи о белогородских рыбаках. Новая форма выражения, присущая англичанам на Севере показывает, что он может успешно работать над сюжетными вещами.

Лётчик-поэт В. Федотов, поэты А. Чепуров, В. Соловкин пришли к совещанию с новыми стихами, говорящими о том, что

«Мы научились
видеть
труд
И бой в труде мы видеть научились».

(стихи В. Федотова.)

Особенно отрадным было участие в совещании большого числа новых национальных писателей из всех краёв, из всех республик нашей Родины. Их произведения — романы, поэмы, стихи и поэмы — показали, что они прекрасно понимают указания Горного и обогащают не только свою, национальную литературу, но и общесоюзную. Разнообразие тем, смесь и оригинальность, мастерское использование национальных традиций характерны для большинства из них.

Так, интересна поэма молодой молдавской поэтессы Ирины Ставской «Дом песен». Это — живое, сплеск и трогательное описание истории одной молдавской семьи, эвакуированной в годы войны из Казахстана и после победы вернувшейся в родные края.

Знание жизни, помощь молодой поэтессы убедительно и задушевно передает и пронизывает чувства расставания с домом, и благодарность героя за ставленную заботу о них, и перевоплощения характеров в условиях колхозного строительства.

Удачную поэму о строительстве железной дороги в пустыне написал казахский поэт Эргалиев и узбекский поэт Рахим. Большую, благородную тему дружбы советских людей, взаимной привычки в самую трудную, тяжёлую минуту, тему коммунистического человека удачно разрешили в своей гордичке, взволнованной поэме молодой костромич Николай Соколов. Великая цель рождается великой энергией, говорит в народе. Душа советского народа, борца за мир во всём мире, за победу коммунизма, до края полна энергии, силы, счастья, и она не может не петь. Так возникла энергия, полная о любовью вождя, о великом преобразовании природы, о гигантской работе, которые называются народом «стройками коммунизма». Направленная действительность даёт молодым художникам слова, возможность создавать волнующие образы героя-современника, человека с новой коммунистической моралью, человека, у которого все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

Достойно всплыть нашу замечательную жизнь — задача большая и благородная. Она требует напряжения всех творческих сил писателя, высокого мастерства. С этими мыслями, с большим трудом подъёмом разъехались участники совещания по домам. Хотелось бы дружески пожелать им замечательных творческих успехов!

Занятие семинара литературной критики на втором Всесоюзном совещании молодых писателей. Ведут семинар критики Н. Н. Маслин, И. Б. Астахов и В. В. Ермилов.

Фото Г. Борисова.

Академик В. В. Докучаев
(1846—1903)

Великий русский почвовед

Всю страну исходил и искалесил Василий Васильевич Докучаев, со-бывший бородатый портной.

Всю страну исходил он, его просе-
довали вопросы: «Что такое почва?
Что такое чернозём? Чем он отличает-
ается от других почв? Чем является
причина его замечательного плодо-
родия? Какую толщину, и какое
степенное значение имеет почва для
растений? Кому принадлежит почва?
Чем она отличается от почв других
районов?» Помимо этого, он искалесил
Северной, Центральной и Юго-Во-
сточной России.

И при этом не только то, что обстоятельства,

что степь Заполярья, покрытая чахлой

подпольной и лишиенной дернового

покрова, рождает лучшую пищу

в мире, да еще в таком изоби-
лии! И не были решены эти за-
дания Докучаевом.

Характер почвы определялся пятью главными факторами: климатом, составом материнской горной породы, условиями жизни и питательными организмами, особенно эпизоотичными, рельефом и высотой местности, и, наконец, геологическим возрастом страны. Почва есть продукт не только современного климата, но и прошлого, давнего. Там, где недостаток тепла и света пре-
пятствовал образованию чернозёма, сформировалась почва южной части России. Иней кинет юга по-
родил иную почву.

Докучаев впервые в науке выделил почву как самостоятельное естественно-историческое тело, глу-
боく отличное от горных пород, и
которое не рождается из них.

Это совершенно особая, самобытная
оболочка, формирующаяся в опре-
делённых климатических ус-
ловиях на основе геологической
основы и управляемая по своим
законам...

«Почва и грязь...» — писал он,
есть зеркало, иное и вполне прав-
дивое отражение весьма тесного

взаимоотношения между миром
воды и землей, растительными и

животными мирами...

Сущность почвенной закономер-
ности сводится между водой, землей,
теплом, светом и воздухом, между
мёртвой и живой природой, между
растительными и животными и мине-
ральными мирами. А так как все
стихи, а также растительные и
животные миры, находятся в постоянном
соприкосновении с положением Земли по
отношению к Солнцу, то и в геогра-
фическом спиральном движении почво-
образования, как на широтах, так и по долготе должны наблю-
даться постоянные, строго законо-
мичные изменения.

Новейший анатомик В. И. Верид-
ский так характеризовал своего
учителя В. В. Докучаева:

«...он необыкновенно любил пейзажи
и склонялся и рисовал целое в
необычайной блестящей и ясной
форме. Каждый из них имел случай-
ную, но всегда ясную и точную, поданную
под его руководством, несомненно,
испытывать то же самое чувство
удовольствия, интереса и любви, что
под его объяснениями мертвяки и
молчаливый рельеф вдруг оживлялись
и давали мысли и понятия и искрен-
нюю проповедь о том, каким ха-
рактер геологических процессов, совершающихся и скрывающихся в его
грунтах».

Выяснив закономерности, опреде-
ляющие процессы образования почв,
замечательный русский учёный
создал новую, так называемую, поч-
воведение, связанную с геологией и гео-
графией, из которых она выразилась,
в свою очередь, в создании краеведческой
земледелия. Именно Докучаеву при-
надлежит заслуга создания науч-
ного основы сельского и сельско-
хозяйственного производства.

«Отношение земледельца к поч-
ве...» — писал он... — должно основываться
на том, чтобы обрабатывать землю
правильно, в каждом случае

на анализе естественно-историче-
ского состояния, особенно в
сравнении с почвой природной зем-
ли».

Учёный выступил с практическими
вызывами, ставшими залубой
всех последующих поколений. Он предложил возделывать почву, исходя прежде
всего из её естественно-историче-
ского прошлого.

Общезвестно, что представляет
собой снегозадержание, как сред-
ство, способствующее почвенному
веществу также, как много значи-
т лесонасаждение в степной по-
ложе. Все эти положения, а также
заповеди борьбы с истреблениями
растений, на основе принципов,

разработанных Докучаевым в
том, что называется «Науки стемы пре-
дикции».

Летом 1892 года в различных местах России начались почвенные
исследования, организованные про-
фессором Докучаевым, широко осу-
ществленные в наши дни. На полях
Советского Союза миллионы гекта-
ров земель, занятых в сельском хозяй-
стве, озеленены суховеем, пологахах
ограждаются от суховея почвенно-
зашитными лесными полосами.

СВЯЗНАЯ ЦЗИНЬ ФЫН

Продолжение. См. «Смену» №№ 6 и 7

4

Цзинь Фын нужно было миновать патрули войск Янь Ши-Фана на южных подступах к Тайбэи и проникнуть в миссию так, чтобы её никто, решительно никто не видел. Девочка хорошо знала дорогу. Она знала, что пройдёт, если только ничего не случится на пути от лавки, в которой она взяла овощи, до бульвара. Там слова вход под землю. Нужно пройти к бульвару парком, где никто не обратит внимания на продавщицу овощей.

Но как только девочка свернула на улицу Маньчжурских могил, она сразу увидела, что туда лужают кони. Что-то случилось там. Её намётающий глаз разглядел в толпе нескольких агентов полиции. Она вернулась и пошла в сторону вокзала. По дороге она услышала разговор, который в парке обсуждали прохожие.

Она не может дать себя обмыкать! У неё в корзинке лежит электрический фонарик. «Зачем фонарик обыкновенной девочки?» — спросил полицейский. Значит, ей следовало обойти и парк.

Цзинь Фын миновала улицу, имевшуюся теперь улицей Чан Каи-ши, и подошла к харчевне на углу. Здесь она сделала вид, будто рассматривает выставленные в окне кушанья. А сама косилася вдоль улицы: свободен ли путь? На перекрёсток стоял полицейский. Она зашла в харчевню и предложила хозяину овощей, хотя заранее была уверена, что ей её выбросят. Так она и случилось. Очигнувшись снова на улице, она увидела, что полицейский всё ещё на своём месте. Но она знала, что это не в привычке полицейских — стоять на солнцепеке, рано или поздно уберётся.

Цзинь Фын прошла по тротуару. Её внимание привлек наряденный на стенах дома знак извещение командующего войсками генерала Янь Ши-Фана. Каждый параграф кончался словами: «Нарушил каракасскую казнь».

Девочка начала читать извещение для вида, но, дойдя до параграфа 8, по-настоящему заинтересовалась. Там говорилось:

«Мы, генерал Янь-Ши-Фан, губернатор и комендант, отец этого города, объявляем:

Каждый, кто знает о каких-либо впадинах подземелье, обязан в течение 24 часов с момента обнаружения настоящего уведомления сообщить о них в свой полицейский участок: лица, проживающие в деревнях, обязаны сделать сообщение жандармским постам или полевой полиции. Ненесполнение каракаса смертю.

Предлагаются смертной казни все жители тех домов, где по истечении указанного срока будут обнаружены выходы подземельям, о которых было сообщено властям. Также будут казнены и те, кто живёт вблизи от таких мест и знает тех, кто пользуется подземельем, но не сообщил о том властям в надлежащий срок.

Несовершеннолетние нарушители сего приказа караются наравне со взрослыми.

Девочка остановилась на этих строках и прочла слова: «Несовершеннолетние нарушители...» Нет, ей только показалось, будто это на-
помнило жирным шрифтом. Шрифт самый обыкновенный.

Приказ был авторизован авчерашним днём. Значит, он уже вошёл в силу. А она видела его в первый раз. В ней в штабе его ещё не было.

Наконец полицейский, как и жила Цзинь Фын, отошёл в сторону и усёлся в тени. Девочка поняла было к листку, но так и не решилась его сорвать: а вдруг полицейский невзначай поднимет голову!.. Нельзя ставить под угрозу боевое задание, полученное от командира... Она проскользнула мимо полицейского и пошла вине по улице.

Девочка пересела через кучу битого кирпича и стала спускаться в подвал. Для этого ей приходилось перепрыгивать через зияющие пропасти в землине, где не хватало по две и по три ступеньки подряд. Но Цзинь Фын это прыгала.

В подвале было темно, что Цзинь Фын вынуждена была оставлять, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте после яркого солнца. Она вспомнила, что в этом подвале должен быть кран удаленного водопровода. В нижней части города сёбэ была вода — значит тут тоже должна быть вода. Она нашла кран и отвернула его. Сначала с краном выплыла воздух, потом поплыла вода. Цзинь Фын подставила рот под струю и напилась. Вода очень отдавала железом, не была достаточно холода. Девочка пустыря струю сильней и вымыла лицо и руки. Вода звонко лязгала на пол. Когда девочка завернула края, тишина подвала показалась особенно насторожённой. Девочка огладилась. Ей почудилось, будто вместе со звуком льющейся воды прекрати-
лось её чёрное.

Девочка стояла у крана и ничего не могла придумать. После некоторого колебания она вынула из-под плечеток с овощами электрический фонарик и посыпала на ту дверь, в которую ей теперь нужно было идти, чтобы проникнуть в подземелье. Луч фонарика осветил только чёрный провал, кончавшийся клаудкой фундамента. Цзинь Фын

Перед ней стоял, присевшись к стенке, мальчик...

там никого не увидела, хотя была уверена, что кто-то там стоит. Если это враг, — значит гоминдановцы узнали про этот вход и устроили засаду...

Что же она должна делать? Выйти обратно?.. А миссия?

Нет, она не может выйти обратно. Нельзя вернуться к командиру и сказать, что приказ не выполнен.

Она порывисто обернулась, и, спеша перед собой, быстро перебежала ко второй двери. Перед ней стоял, присевший к стенке, мальчик. Когда Цзинь Фы поднесла фонарь к его лицу, он загородился худой грязной рукой.

— Позвольте узнать, мальчик, как вас зовут? — спросила Цзинь Фы.

— Мой имя — Чунь Си.

— Зачем вы здесь?

— Я тут живу... — просто ответил мальчик и с любопытством поглядел на плетёнки в корзинке.

— Вы одни тут живёте?

— С другими детьми... А что у вас в корзинке?

— Г какими детьми? — вместо ответа спросила девочка.

— Они простые дети.

— Разве у вас нет дома? — осведомилась она.

— А у вас есть?

— Нет, — отвела она.

Тогда она повторила вопрос:

— Что в этой корзинке?

Цзинь Фы покачала головой и с укоризной сказала:

— К чему такое любопытство?

— Мне хочется есть... — спокойно, почти безразлично ответил мальчик.

— А где дети? — спросила она.

— Там, — и он кивком головы показал в подвал.

— Их много?

— Всесем... — И, подумав, пояснил: — Шесть мальчиков и две девочки... Пропустишу вас, дайте мне то, что в этой корзинке.

Девочка подумала и сказала:

— Пожалуйста, миссия, где дети?

Чунь Фы молча поклонилась и, бесшумно ступая босыми ногами, пошёл в темноту. Как только девочка погасила фонарь, она сразу потянула мальчика из виду. Он был такой грязный, и ноги его были так чёрны, что в своём сером ватнике он совсем сливался с темнотой. Девочка опять заскрипела фонарик и, подняв его над головой, пошла следом за мальчиком. За стенкой она увидела сразу всех ребят. Они лежали, тесно пружинясь друг к другу. Ни по одежду, ни по лицам нельзя было отличить мальчиков от девочек. Под одинаковым у всех слоем грязи Цзинь Фы угадывала одинаково бледные лица. Она поглядела на них и строго спросила Чунь Си:

— Я хотела бы знать, чьи вы?

Прямо звуки её голоса дети зашевелились и стали подниматься. Между тем Чунь Фы отвела Цзинь Фы:

— Мы разные, — сказала девочка, другие пощенейшие...

Девочка достала из корзинки одну из плетёнок — ту, в которой лежали капустные листья. Чунь Си схватила плетёнку и, вытащив лист капусты, хотела сунуть его в рот. Но Цзинь Фы остановила его.

— Это всем... — сказала она и, подождав минуту, пока дети скрутились около плетёнки, неслышно вышла из подвала.

На миг, сверкнув фонарём, она осветила себе путь и дальше пошла в темноте с вытнутыми вперёд руками. Так дошла она до спуска в подземелье. Тут она посторала и, затянув дыхание, прислушалась: кажется, никто за ней не подматривал. Она ощупала ногой порог лаза и спустилась в него. Только завернув за угол фундамента, снова зажгла фонарь, нагнулась и побежала. Этот ход должен был привести её в самую миссию. Никем не замечена, она выйдет из под земли в кустах акаций за гаражом.

5

Миссия просмелилась. Хотя жильцов в ней было немногих, но Го Лин и Тан Кэ только и делали, что защекивали номерату зонтика, призывающий их в комнаты. Американцы не стеснялись. Если горничная мешкала одну — две минуты, номерату высказывала снова, и настичивая дробь зонтика резала слух У Да, возившейся у плиты. Чаще других выглядывали в окночке номерата цифра «3». Го Лин вся скимкалась и кричала Тан Кэ:

— Опять этот рыжий американец!

Она боялась ходить в третью комнату. Там жил тощий рыжий офицер-американец, терроризировавший весь персонал.

Большинство гостей по заведенному обычая получали завтрак у себя в комнатах. Но в избытке из общего правила двое жильцов — Биб и Кароль — спускались к завтраку в столовую. Это были агенты американской военной миссии, составлявшие теперь постоянную охрану пансиона. За время пребывания здесь она обправилась, располнела. Кароль стал ей медлительней, чем был.

И даже речь его, казалось, стала ещё более разговорной. В прошлый раз Биб не утратил ни привычки речности движений,

ни необыкновенной стремительности речи. Он был многословен до надёдливости. Даже Ма, привыкшая угождать жильцам, не могла подчас заставить себя дослушать его до конца.

Спустившись со второго этажа в столовую, Биб почёл носом, пытаясь по запаху распознать, что будет done на завтрак.

Он с удивлением констатировал, что Тан Кэ поставила на стол толико один прибор.

— А мистер Кароль? — спросил он.

— Он уехал... еще с утра.

— Уехал?... — Биб хотел ещё что-то прибавить, судя по интонации, не утратившей для Кароля, но раздумал. Вместо этого он с вожделением сказал: — Пожалуйста, помолчи.

Воплечшая через несколько минут Ма застала его за столом с салфеткой, заткнутой за воротником, с вытузизмом, унывающими греками со шпинатом. Однако, как ни был он увлечён едой, он всё же намеревался заговорить, но Ма предупредила его:

— Говорят, у нас сегодня гости? — случайно я...

Как всегда, Биб не стал спасти:

— Всё ваша жизнь состоит из случайностей. Случайность! А разве не случайность то, что мы с Каролем — лучшие детективы Америки — оказались вдруг тут, в этом китайском захолустье? Случайла, когда мне сказали: «Биб, ты будешь охранять духовую миссию»... я даже обиделся. Но, увидев вас, понял: на мою долю выпала именно эта стащественная случайность, какая бывает раз в жизни. Когда?

Вы не знаете, куда поехал мистер Кароль? — перебрала его Ма.

— Кароль? Да именно ему я и сказала тогда: «Мой друг Кароль, вот она, моя судьба».

Ма повернулась и молча вышла из комнаты.

Несколько мгновений Биб сидел ошеломлённый. Потом поступил из кармана яркий платок, сердито встрихнул его и отёр выступившие на лбу капельки пота.

— Дура! — сказал он негромко. — Ей объясняется в любви американец, а у неё такой вид, будто перед нею давят лимон. Дура! — повторил он ещё раз, повернувшись к двери, увидев входящего в комнату высокого грузного мужчины с большой лысой головой.

Лицо верзили было широкое, студенистое, со щеками, отливающими тёмной синевой от бритвы. Это был Кароль.

— Опять тебе чёрт носил? — резко спросил Биб.

Опять сломался автомобиль. Подороги от города тащился пешком. Этот прохладств утёз совсем распустился: несмотрит на автомобили.

— Отправь его в папкинский участок на покур: живо придёт в себя.

— Я просто набью ему морду... У нас новости. Куча новостей! Воры, у нас сегодня важный гость: сам генерал Янь Шифань.

— Так вот о ком начала говорить Ма! — Лицо Биба отразило почтение.

— Это важно, очень важно!

— Это сущие пустяки по сравнению с тем, что я тебе еши скажу.

— Не тиши.

— К нам едет новый начальник.

— Придется платить рэкет, — сказал Биб Каролю.

— Рэкетом тут не отделяешься. Новое начальство не берёт, — сказал Кароль и сам, кажется, поразился тому, что такая нелепость могла сорваться с языка. — Дело в том, что это не американец.

— Что значит «не американец»?

— Китаянка из Штатов, мисс Ада.

— Глупости. Мы не можем подчиняться китаянке.

— Если мне падят, я готов подчиниться даже кнуту. К тому же, говорят, эта особа — работник высшего класса. Столичная штучка.

— Знаем мы этих птиц, — усмехнулся Биб. — Где, где от нас можно отделаться десятком долларов, ей подавай всю сотню.

— Это едет со специальной целью.

— Нет ничего хуже, чем начальник, задавшийся специальной целью заработка на новых подчиненных.

— Ее звали «помощницей гуру с подношниками».

— С ней, конечно, начали все «вовички» — с облегчением восхликал Биб. — Разве мы с тобой, отправляясь сюда, не дали клятвенного обещания друг другу и не извадила покочиться с возможностью появления партизан вблизи миссии? А что из этого вышло?

Но Кароль не славился. Быгвария по два слова в минуту и заставляя слушателя припяльться от нетерпения, он рассказал, как вновь назначенный начальник охраны мисс Ада уж во дорогу сумела перевозить только что высаженную самолетом диверсанту красных и овладела ею паролем. Теперь под видом этой посыпанных красным Ада намерена явиться к местным подпольщикам, чтобы проникнуть в их ряды и разгромить всю организацию.

Биб снова, еще громче, чем прежде, рассмеялся.

— Сказки для журналистов! Нас с тобой на такой макине не проведешь.

— Что касается меня, то... — начал было Кароль, но Биб его не слушал.

— Чтобы я поверил, будто красная партизанка дала себя скрутить какой-то хватливой штукой? За кого ты меня принимаешь?

— Я собственными глазами видел в полиции парашют диверсанта.

— Ты был уже пьян.

— Это же было утром! — возмутился Кароль.

— И все-таки, все-таки... — повторял Биб, делая вид, будто ему очень весело, иlixородично обдумывал, как ему тендеры выйти из положения, не теряя престижа в глазах этого типуши Кароля. — Сядь-ка лучше завтракать, — сказал он, чтобы что-нибудь сказать, но тут же сплюхнулся:

— А как мы узнаем эту Аду?

— Ее пароль: «Надеюсь на твой приют, под сенью звезд и полос».

— О, мы ее окажем прият! — со смехом восхликал Биб и принялася за еду.

6

Междудесятю утра и двумя пополудни в доме миссис никого из постоянных не оставалось. Эти часы, когда солнце стоит высоко, гости — китайцы и американцы — проводили у маленького бассейна и забавлялись кормлением рыбок.

В доме оставалась только прислуга. У Дэ, грехова сквородками с ёщё большим остеклением, чем обычно, готовила второй завтрак. Девушки приступали к уборке комнат.

Никем не замечаемая, в саду появилась Цинь Фын. Она вымырнула из-за гаража и, пугливо озираясь, прокралася к дому. Убедившись в том, что поблизости никого нет, она прокричала нараспев:

— Овощи! Овощи! Сладкая морковь!

Тан Кэ, сидя на крыльце, поманила девочку и, когда та вошла в комнату, спросила:

— Очи, очи, свекровь?

— Морковка совсем сахарная.

— Без обмана?

— Уверяю вас: как для родных.

Тан Кэ быстро оглянулась и понизила голос:

— Почему ты? Где Чэн-го?

Цинь Фын молча отвернулась. Тан Кэ испуганно схватила девочку за руку.

— Взяли? — меняясь в лице, быстро спросила она.

Девочка ответила молчаливым кивком головы.

Наступило долгое молчание. Девочка продолжала смотреть в землю и дрожащими пальчиками мгла края платья. Наконец она проговорила:

— Извините, не могу ли я видеть привратника, господина У Вэй?

— Его нет, он в городе... Ты же знаешь, что мне можно сказать всё.

— Знаю. — И после некоторого колебания Цинь Фын смущенно сказала: — Извините, пожалуйста, не можете ли вы нагнуться? — и, поднявшись на цыпочки, стала шептать в ухо склонившейся к ней Тан Кэ.

Когда Цинь Фын ушла, Тан Кэ сказала Го Лин:

— Новенькая связница.

У Го Лин сделались испуганные глаза:

— Боясь новых людей.

— Сестра Цинь Чэн-го.

— Почему не она сама?

— Повеселись...

Го Лин испуганно замахнула руками, как бы отгоняя страшное известие. Справившись, она спросила:

— Зачем пришла связница?

— К нам на самолете послан уполномоченный штаба — женщина.

Сегодня ночью она должна была спуститься на парашюте и вот-вот будет здесь.

— А зачем?

Тан Кэ ещё понизила голос:

— Задание: взять Янь Шифана.

— Как мы её узнаем?

— Её пароль: «Светлая жизнь вернётся, мы сумеем её завоевать. Но правда ли?»

— Какой странный пароль! Я боюсь всех, кого не знаю, боюсь всех тайн и вот таких приказов. Придётся быть настороже. Помимо этого, что предстаёт собой эта женщина...

— Ах, как ты рассуждаешь! — восхликала Тан Кэ. — Центр тре-

бует подчинения, а мы будем «смотреть», понравится ли нам начальник... Можно подумать, что ты забыла: мы не просто партизаны...

— Ты же знаешь: Марин при её дружбе с полицией немного нужна, чтобы посадить дядю Стюарта... — в смущении проговорила Го Лин.

— Ты её через суд бомбила.

— Ошибаешься, я виновата в последнее время.

— Мало, как как и на кого смотрят. Главное — Мария не подозревает, что мы с тобой...

Засыпавшая шум приближающегося по аллее автомобиля, Тан Кэ торопливо оправила фартук:

— Мария вернулась.

Го Лин взялась за щётку.

Через несколько минут в комнату вошла Ма. У неё был усталый вид. Она недовольно оглядела девушки и сказала Тан Кэ:

— Возьмите в машине продукты.

Тан Кэ подошла к гаражу и остановилась, наблюдая, как У Вэй моет запыленный автомобиль. За шумом водяного насоса У Вэй снял шапку Тан Кэ и продолжал мыть, не обращая внимания на себя под ноги. Только подвернувшись, он снял с себя обувь и водолазку, увидел и улыбнулся.

— Иди ко мне в помощницы! — весело крикнул он.

— В помощницы? — Тан Кэ смотрела на него без улыбки. — Я должна с тобою серьёзно поговорить.

У Вэй нахмурился:

— В чём дело?

— Ты должен бросить это... с Мариной.

— С Ма?

Но Тан Кэ настойчиво повторила:

— С Мариной... Она может дорого обойтись и тебе и всем нам, эта подлышка дряни...

У Вэй недовольно поморщился:

— Она не с нами, значит, ни у кого из нас ничего общего с нею быть не может. По-моему, так.

— Но тем не менее, мы все видим, что ты... — Тан Кэ не договорила, глядя на У Вэя.

— Вы ничего видеть не можете, — ответил он строго, — не можете и не должны.

— Я обязана была сказать... — смутившись, проговорила Тан Кэ и, помолчав, добавила: — была связная.

Он сразу насторожился:

— Ну?

— Принесла серьёзное задание: взять живым Янь Шифана... Только я не понимаю, как это выполнить.

— Разве ты не знаешь, что Янь Шифан сегодня будет тут?

— А ты откуда знаешь? — беспокойством спросила Тан Кэ, полагая, что только она знала это от связной Цинь Фын.

— От... Ма, — ответил У Вэй.

— Ах!... Она хотела ещё что-то сказать, но осеклась и, подумав, сказала: — Тогда это действительно подозрительно.

— Что?

— Это задание Может быть, Го Лин права. Как-то уж очень кстати вдруг всё сходит. Только получили задание, и Янь Шифан уже тут.

— Ты думешь, возможно... — он не договорил, но она поняла неоднократное слово «проковырок» и нерешительно кинула головой.

Вернувшись в комнаты, Тан Кэ тихонько сказала Го Лин:

— Может быть, ты и права. Всё как-то уж очень подозрительно совпало: появление новой связной, прибытие нового человека из штаба, приезд такого лица, как Янь Шифан.

Теперь нужно учредиться от Марии, чтобы она ничего не заподозрила...

— Задание осталось заданием...

— Даже когда оно так подозрительно?

— Откладывать мы не должны.

— Ты права.

— Нужно действовать.

7

Цинь Фын отодвинула камени и осторожно выглянула из впадины, служившей выходом на поверхность. Дверь была пуст. Девочка вышла и присела в тени, обтиралась разрушенным домом. Цинь Фын уставилась, ужаснувшись усталости. Она закрыла глаза, и ей почудилось, что она гуляет в тенистом парке у дома губернатора. Она испуганно подняла веки, но видение сада секунду назад было так ярко, что она не сразу его отогнала.

Девочка вздохнула и встала. Никого поблизости не было. Она вышла на улицу, так как ей нужно было попасть в музей. Там была пост партизан. Он поменялся в подвале калорифера, обтурбированного в здании музея в конце девяностого века каким-то европейским инженером. Если проникнуть в город за музеем, то можно войти в музей, встать на корточки и, проползши шагов двадцать под землёй, вылезти из калорифера отверстия прямо в подвале. Там горит тусклая лампочка и в углу под старинным панцирем спрятан радиоприёмник. А на калорифере постлан ковёр.

В подвале живёт бывший сторож музей товарищ Хо. Полиция считает, что он бежал к красным, но на самом деле он остался в городе.

Из калорифера подвала есть второй выход — прямо в музей. Он зарождался в подвале, который отодвинут вправо, и ведёт в здание музея. Снаружи к нему приложены потемневшие полотна старинных картин. А чтобы картины кто-нибудь случайно не отодвинул, они прижаты тремя тяжёлыми навесными листами.

Теперь наверху в музее новый сторож, Чжан Пын-эр, — тот, что раньше был посыльным. Чжан слугит в музее уже посемнадцать лет. Теги были посыльным, Чжан Пын-эр и поднял их. Но только они, наверно, не знают, потому что о нём никто, кроме Хо и Чжана, здесь знает.

(Продолжение следует)

НА БОЛЬШУЮ СЦЕНУ

С первых же минут спектакля игря актёров завладела вниманием зрителей, заполненных зал Центрального рабочего театра искусств, хотя на сцене выступали не профессиональные актёры, а молодой самодеятельный драматический коллектив московского завода «Борец». Роль главного героя — Саша Бутузова «Я хочу домой» исполнила молодые рабочие завода; и роль воспитателя английского приюта Улманниса — русского мальчика Саши Бутузова, вывезенного в Германию юной гитлеровской группой, замечённого в этом «приюте» англичанами, и роли офицеров Советской Армии Добринина и Сорокина, добывшихся перед английскими оккупантами властями Западной Германии возвращения Сашки Бутузова и других советских детей на родину...

Драматический коллектив из 15 человек, из которых было менее двух лет. Но из этого, казалось бы, небольшой промежуток времени он сумел сделать очень многое.

Первой его постановкой была пьеса А. Островского «Без вины виноваты».

Спектакль получился яркий и интересный. Работа крохотущая по-

завода — благодаря зрителям и требовательным критикам. Но, несмотря на успех, члены драматического коллектива не успевали играть достаточно. Их хотелоось играть еще лучше. А для этого необходимо повысить свою мастерство ежедневно. Репетиции превращались в уроки, на которых драма-музыканцы учились новое, совершенствуя свои способности.

В пьесе «Я хочу домой» главную роль советского офицера Добринина играет Виктор Жуков, член прокурора со дня его возникновения. Виктор работает на заводе слесарем. Он из стахановцев, комсомолец.

Восемнадцатилетний спесак Вячеслав Кобзов играет в спектакле англичанина Скотта, шефа сиротского приюта. Благодаря своему несумасшедшему драматизму, главное — удивительной работоспособности Вячеслав Кобзов сумел создать и достичь до зрителя яркий, хорошо запоминающийся образ. Вячеслав учится в вечерней школе рабочей молодёжи, очень много читает.

Роль Саши Бутузова исполняет недавний воспитанник заводского ремесленного училища Володя Ло-

Встреча майора Добринина (Виктор Жуков) и капитана Сорокина (Василий Жуков) с Сашей Бутузовым (Володя Лопарев).

Фото А. Бочинина

Сцена из спектакля «Я хочу домой». В роли Улманниса — заведующий Н. Поступов, Смайды — крановщик В. Жуков и англичанина Скотта — спесак В. Кобзов.

В разведывательной экспедиции Куйбышевгидростроя работают десятки женских бригад. Самой высокой выработки из месяца в месяц добивается бригада Татьяны Ивановны Добрининой. Неутомимы в достижении цели, девушкам гендерно-заточенные проникают в недра земли, раскрывают их вековые тайны. И ни разбушевавшаяся стихия, никакие другие препятствия и трудности не в состоянии затормозить их работы. Каждое утро с рассветом они начинают бурение скважин.

Когда бригады Добрининой впервые перевыполнили дневную норму в полтора раза, со всех сторон посыпалось поздравление. Ничего не отметили тогда изыскатели, но про себя подумали, что 150 процентов нормы — недоработка, что можно и нужно добиться гораздо большего. Вскоре они добились выполнения плана на 200 процентов. Слава о женской бригаде бурников прогремела далеко за

пределы. Подвижной, общирательной и очень любознательной, он сумел хорошо «выбриться» в свою роль. Показав в начале спектакля рабочего, забытого пивом и сигарами машиниста Володи Лопарева, в ходе действия, создает совсем другой образ, раскрывающий в Саше Бутузове проницательные черты русского человека: любовь и свободу, смелость и спокойствие.

В спектакле занято много способных актёров, таких, как Илья Поселков, играющий Ульманниса, Валентина Жукова, играющую Санди — Нэнси, Лайлу, испытывающую роль американки.

Это все разные по натуре, характеру и профессии люди, но всех их объединяет одна большая любовь и искренность, которая сама отдаёт и всей свободой времён.

В создании сильного и сплочённого театрального коллектива завода «Борец» большая заслуга принадлежит руководителю и ре-

жиссёру этого коллектива артисту Сергею Сергеевичу Константу.

Благодаря помощи комитета комсомола драматический коллектив расстёг с каждым днём. Сейчас он насчитывает уже около сорока человек.

Театральный коллектив ведёт и большую общественную работу. Он принимает деятельное участие во всех общеполитических кампаниях, выступает в клубах и концертных залах. Коллектив выехал также в подшефный Осташевский район, Московской области, и не раз бывал в гостях у рабочих соседних заводов. Весной 1951 года спектакль «На страже беспасности» показан сорок шесть раз.

Всюду, куда бы ни приезжали молодые актёры, их принимают, интересуются ими.

Так самодеятельный драматический коллектив выходит с маленькой сцены своего заводского клуба на большую и широкую сцену.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧИЦЫ

пространствами строительной площадки Куйбышевской ГЭС.

Для меня строительства Куйбышевского гидроузла Татьяна Добринина вместе с мужем — также геологоразведчиком — работала в воронежской экспедиции на Дону, а члены её бригады Мария Волкова, Мария Дроботова, Татьяна Дубровина и Анна Отделенко — в колхозе имени Ворошилова, Ставропольского района, Куйбышевской области. Едва добрая до них слух о начале сооружения Куйбышевской ГЭС, они твёрдо решили попасть на эту великую стройку и вскоре добились своей.

Сознание, что в сооружении грандиозной стройки коммунизма есть частичка и их труда, помогло девушкам-колхозницам за корот-

кий срок овладеть сложной специальностью геологоразведчиков.

Мы не имеем права работать плохо... Сокращение гидроузла — это наше прямое дело... — говорят они. Сколько лет в наших залившихся степях безнаказанно спрятавшиеся суховеи!

Пройдёт совсем немного времени, и привольные волжские степи покроются пищущими садами, колхозные поля, обрабатываемые агрегатами тракторами и комбайнами, будут давать невиданные доселе урожаи. Ну, а чтобы это скрою осущестивлось, надо работать по-настоящему.

И вот эти бригады Добрининой с каждым днём добиваются всё больших трудовых успехов. Из месяца в месяц они пробуривают по 200—205 метров вместо 73

по плану. Переходящее Красное знамя изыскательской партии прошло закрепилось в бригаде Добрининой.

Татьяна Ивановна Добринина вместе с девушками своей бригады решила отправить в Каховку письмо с предложением начать социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана 1951 года. Вскоре от знаменитого стахановца ДнепроГЭС новостройки бригадира разведывательной экспедиции тов. Боголюбов пришёл ответ.

«Моя бригада уже пробуряла около тысячи метров скважин, — сообщал в своём письме тов. Боголюбов. — Мы решали теперь в соревновании с вами добиться новых успехов и ежемесячно бурить в подпоре раза больше, чем предусмотрено планом».

Соревнование между строителями Куйбышевской и Каховской гидроэлектростанций ширится с каждым днём.

В. МЯСНИКОВ
г. Куйбышев.

Серую мглу тумана прорезают лучи прожекторов на бесчисленных стройках; кажется, сонце устало светить, а люди продолжают работать. Они торопятся отстроить родной Минск, чтобы и сделала война не осталась на советской земле.

С каждым годом в Белорусский политехнический институт имени Сталина со всех концов республики приходит всё больше юношей и девушек. Восстановленные части здания не имели одновременно всех будущих строителей заводов и осушителей болот, всех будущих торфяников, энергетиков, механиков химиков. Приходится заниматься в две смены.

— Трудно, — жалуются Борису Кардовичу товарищи. — Плохо со спортивной работой: ни современных, ни старых спортзалов нет, где тренироваться, ни собраться всем вместе. Ты бы, как секретарь комитета...

...Случая многие недоверчиво удивлялись, узнав о затее комсомольцев: мыслимое ли дело в нашем помещении учиться в одну смену! Ведь стакан машина — институт! Но не привык мириться с трудностями Борис Кардович. В течение нескольких дней его видели на всех факультетах. Он заходил в аудитории, осматривал их, что-то приписывал. И вот однажды по институту из комнаты в комнату, с этажа на этаж поднимался человек — директор, секретарь парторганизации и секретарь комитета комсомола. До последнего метра учили они всю площадь отремонтированных помещений. Руководители некоторых лабораторий возражали:

— Нам будет тесно!

— Ничего! — сказал директор. — В технике, да не в общих. Комитет комсомола дело предлагает.

Пришлось постесняться, а кое-где даже коридоры использовать.

СВОИМИ СЛУЖАМ

Студенты не рассчитывали, что всё необходимое для занятий физкультурой появится само собой.

Нет спортивной площадки, поэтому есть умельцы ручки...

Дружные бригады студентов расчищали пустыни от обломков, камней и мусора, выравнивали и тамбовали землю, ставили столбы. Вскоре там, где недавно и ходить было трудно, стала играть в волейбол шумливая, жизнерадостная молодёжь.

Нужен тир...

Снова за работу. Выкопали большую глубокую траншею, разбрасывали бруски. Нашли свои испускаемые плотинами — срубили стены, и пули падали вниз.

Организовали стрелковую секцию, а преподавателей не хватает. Как же быть? Неужели из-за этого сбывать работу?

— Нет, — решили в комитете комсомола. Есть несколько опытных преподавателей; создадим курсы, подготовим своих инструкторов.

Та же беда с авто-мотоспортом. Каждому надо изучить мотор. Где бы найти, ещё хуже одного инструктора?

— А Гриша! — вспомнил кто-то. — Он же у нас опытный мотоциклист.

— Верно! Это идея!

Григорий Лукич уже подготовил пятнадцать своих товарищей, которые вместе с остальными мо-

ВМЕСТЕ С РОДНЫМ ГОРОДОМ

тоциклистами института скоро примут участие в городских и республиканских соревнованиях.

Володя Бобров

Попасть на аэродром всем же-ланиям не удалось. Оставшиеся поднялись на машине вагонки и собрались у окна с неизвестным взглядом в глаза. Ещё бы! Ведь сегодня первый приём у парашютистов института. Наконец за городом в ясном и по-весеннему спокойном небе появляется самолёт. Он делает круг, и от него отделяется чёрная точка, над которой вздувается пёстрый грибок падающего.

— Наш! — раздаются восторженные возгласы. — Наш, ребята!

— Это Володя! — забывшись, вскрикивает бледокурая девушки и тут же смущённо краснеет.

Вот оно, — шутят над ней подруги. — За тысячу метров Боброва узмали!

Одним из первых среди студентов Владимир Бобров увлекся парашютным спортом. Этот стройный юноша с внимательными, по-детски добрыми глазами через гол

станет инженером-строительем. Он мечтает поехать на олимпиаду из великих строчек коммуны. В комитете комсомола института Володе поручена физкультурная работа. Любовь к спорту помогает ему успешно овладевать знаниями.

Вообще, сердечно и много занимаются физкультурой, комсомольцы института реалистично следят за тем, чтобы спортсмены хорошо учились. Как правило, отстающих студентов не допускают к соревнованиям.

Все виды спорта

— За что ты полюбила гимнастику?

— За то, что это самый красивый вид спорта, — неизменно отвечает Валя Пашенко.

Ей нравится всё красивое. Ещё в школе Вале хотелось строить на месте различных погодожальных, земляных, деревянных, проектировать широкие прямые проспекты, украшать парком родной Минск парками и бульварами.

Два года назад она поступила на строительный факультет, учится только на «отлично» и ведёт большую комсомольскую работу.

В Белорусском политехническом институте много внимания уделяют физкультуре и спорту. На верхнем снимке: студенты института на тренировке в зимнем бассейне для плавания; на нижнем снимке: парашютисты-спортсмены готовятся к соревнованию прыжки.

В институте девушка начала заниматься гимнастикой.

Молодёжь института любит почти все виды спорта. Энтузиастов много в каждой секции. Илья Пеккара привлекает тяжёлая атлетика. Регулярно упражняется в поднимании-тяжёлостях, он стал штангистом первого разряда. Другим студентам нравится плавание, третьим — бокс.

Антону Планинскому 22 года. В институте он стал душой велосипедной секции, её тренером. Дело и упорно занимался Антон со склоном дружбы, строго требовал не пропускать ни одной тренировки.

И вот настал час решающих испытаний — всесоюзные соревнования на первенство общества «Наука». С каким нетерпением ждали в институте вестей из Самферополя! Как волновались!

— Что, если наши проиграют? Подведут весь коллектив!

Наконец пришла телеграмма: команда института заняла второе место. Особенно удачным для минчан было брюс: Антон Планинский опередил всех, а комсомолка Галина Борисова, как и предсказывала третью среди женщин.

Не только велосипедистам гордится политехнический институт. Его волейбольная и баскетбольная команды — чемпионы республиканского совета «Науки».

Большинство преподавателей кафедры физического воспитания — молодёжь. Они всей душой любят спорт. Во многом помогают кафедре специальная стендгазета «Спортсмен», пропагандирующая спортивную культуру борьбы.

Год от года растёт число секций. Недавно несколько студентов начали обучаться фехтованию, другая группа — борьбе самбо. Есть в институте и хорошие легкоатлеты, и хоккеисты, и конькобежцы.

Первая в республике

Ещё до войны, в школе, Лазарь Ангелович полюбил шахматы. Встревнувшись из армии в Минск и поступив на энергетическую факультет, он вновь вспомнил о любви к игре. «Очень полезно было бы... — думал он, — увеличить шахматистов как можно больше».

В честь тридцатилетия ВЛКСМ в институте было решено провести шахматный турнир. В нём участвовало семдцать человек, из них всего лишь пять девушек.

— Как же так? — удивились ребята. — В другие секции девушки никому не уступают, а у нас?

И тут же, не откладывая дела в долгий ящик, решили организовать женскую шахматную команду. Выборы состоялись, и девушки усердно готовились к первому занятию. Но к назначенному времени прислали только две девушки...

— Вот вам и команда! — разозлорившись разводили руками шахматисты. — Вот и занятия! После этого с женщины шахматами!..

— Ничего, — обрадилась их Ангеловиц. — Не унывайте.

На одном из комсомольских собраний он рассказал о попытке организовать женскую команду, которую Владимир Ильинский называл «гимнастической умкой», о возникших вспышках русской шахматной школы, о наших лучших шахматистках. Живой и убедительной рассказ занинтересовал многих. На следующее занятие секции собирались уже тридцать девушки, а на третье — шестьдесят.

— Мы — говорит Ангелович, — стали регулярно проводить соревнования начинающих и строго учи- тывать успехи каждой шахматистки.

Женская шахматная команда политехнического института — первая в Белоруссии. Сейчас уже тридцать студенток получили спортивные разряды, а Нина Анианова недавно победила одну из сильнейших шахматисток республики, Некрасову.

Бюро секции заботится о том, чтобы шахматистки не забывали и остальных видов спорта. Из трехсот студентов-шахматисток имеются разряды, двести пятьдесят — заслуженности ГТО.

За миллион физкультурников!

Массовость — основная задача спортивной работы. По призыву ЦК КП(б) БДА молодёжь Белоруссии борется за миллион физкультурников в республике.

Партийно-политехнического института в этом году учредило переходящее Красное знамя за лучшую постановку массовой спортивной работы.

Задача — соревноваться, — предложил Борис Карапетян. — Ка- рапетян физкульт будет лучше?

Добавить победы в этом соревновании и завоевать знамя не так легко! надо широко пропагандировать спорт, надо, чтобы на твой факультете физкультурой занималось больше студентов, чем на остальных, надо также, чтобы физкультурниками секциями руководили инструкторы-общественники.

Заботиться не только о себе

В спортивном зале сегодня необычайно жарко. Перед преподавателями и студентами в форме в белых блузках и ярких галстуках. Они внимательно выслушивают указания и повторяют упражнения, стараясь делать их как можно точнее.

Откуда в институте пионерки?

— Из подшефной школы. Для них у нас организован кружок художественной гимнастики.

Зимой, перед выборами в Верховный Совет Белорусской ССР, студенты-выпускники совершили гигантский марафон по городам Белоруссии. Они привезли котомникам ложи и помогли организовать коллективы нового добровольного общества «Калаганс». К

Из завтрашний день

Лучи ласкового весеннего солнца горят в окнах новых домов, появившиеся в строящемся Минске. Юный и свежий, город как бы олицетворяет собой возрождение истерзанной войной Белоруссии.

Вот золотистые лучи скользнули по лицу юношескому, стучащему молотком, изображающему стоящего корпуху политехнического института. К сентябрю будут готовы новые аудитории и два спортивных зала.

Бодрые, полные невидимой радости весеннего утра приходят студенты в институт. Здесь они растут и мрут вместе с родным городом, здесь они станут не только знающими инженерами, но и здоровыми, смелыми, выносливыми людьми — советскими людьми.

В. КРАСИЛЬЩИКОВ

г. Минск.

О МОЛОДЫХ ФУТБОЛИСТАХ

За последние годы в наших ведущих футбольных командах появилось немало молодых игроков. Некоторые из них уже стали признанными мастерами и заслуженными мастерами спорта и футболистами страны. Это вратарь тбилисского «Динамо» Владимир Маргарян, московские спартаковцы Юрий Смирнов, Евгений Смирнов, Евгений Нетто, нападающие Алексей Паромов и Никита Симонян, полузащитники московского «Динамо» Александр Соколов, нападающий курганской команды Александр Сорокин, полузащитник Гурзуфской команды Центрального дома Советской Армии Александр Петров. А сколько же молодых футболистов, вошедших в число тридцати трех, не показали сильную игру в составах своих союзных команд!

Но, конечно, все молодые футболисты хорошо физически подготовлены и сложному атлетическому соревнованию, на нем является футбольная игра.

Соревнование неизбежной спортивной основы молодежи отнюдь не уступает тактической системе, при которой умело используются индивидуальные качества каждого игрока на благо коллектива, а не противостоящего дружине, единой в своих устремлениях коллегии.

Однако наши молодые футболисты не были бы способны показать хороший результат, если бы не обладали высокими морально-волевыми качествами.

Московские команды «Спартак» и ЦДСА, в состав которых входят и самые юные воспитанники, вошли за последние годы в число сильнейших команд по званию чемпионов и Кубок страны. И это вполне закономерно: молодежь вносит в игру страсть к спорту, желание побеждать, стремление к власти над предметом, преодолевшим спартаковцев Молодежи на Кубок СССР в 1950 году.

Успехи наших юных футболистов в спортивных командах страны — прямое следствие масштабного развития советского футбола. Спортивная молодежь, работающая в новых коллективах, в тысячах юношеских спортивных школах, в спортивных организациях первенства съездов колхозов, обществ, районов, городов.

Что же делает юношу, желающего испытать свои силы в футболе и достичь в нем высокого спортивного мастерства?

Мне, имеющему много лет спортивной практики и тренерского опыта я могу ответить на поставленный вопрос так: крепкие здоровье и умение владеть своим телом. Стать же здоровым человеком можно и должны стремиться все мы.

Правда, для того, чтобы сделаться классическим футболистом, нужно еще одно условие — играть в футбол с детства.

Но совершенство навыков, знаний, для достижения высокого спортивного мастерства, конечно, будь то футболист или художник, — это не путь, это путь.

Конечно, отрадно, когда у молодого спортсмена есть такие, отдельные, легкое увлечение несерьезные игры в футбол. Но не стоит забывать, что спортсмен — это прежде всего профессиональный футболист, если он упорно и методично стремится к тому, чтобы никогда не станет поношенным и мертвым.

К сожалению, приходится иногда наблюдать, как беспрерывно способные футболисты, которым легче, чем учиться, в один порт даются игры, перестают работать, начинают нарушать правила, забывают правила физкультурного режима. В результате они так и не становятся настоящими спортсменами.

Так бесследно пребывает в спортивных командах один из моих бывших учеников, галапитский футболист Михаил Диденчук. Он не смог вынести этического давления, которое было на него оказано.

В прошлом сезоне спортивным игроком показал себя

В первых числах марта чемпион страны по футболу команда ЦДСА начала тренировки на сухомозинской стадионе «Динамо». На снимке (слева направо): старший тренер Б. Аркадьев, тренер Г. Федотов, защитник Ю. Ныров, полузащитник А. Балашов и В. Чистоголов на тренировке.

Фото С. Короткова и Г. Кирквеля

молодой харьковчанин Виталий Зуб. Но у него есть существенные недостатки, он почти не умеет быть лидером. Научить же ему этому не так уж сложно, нужно лишь настойчивость.

Но и знаю и немало примеров, когда молодые футбольисты, даже в самом систематическом труду становились наездниками. Не зря же, например, вспоминают, как наездником называлась бы, вопреки своим природным данным, хорошим игроком.

Б. АРКАДЕЙ,

заслуженный мастер спорта

НОВЫЕ ИМЕНА

ЮНЫЙ КАНДИДАТ В МАСТЕРА

В сентябре 1946 года шахматный клуб ленинградского Дворца пионеров принимал «передсередину пополнения». Из начальной обратились на себя внимание маленький хильный мальчик Борис Спасский. Ему было всего пять лет, и он, конечно же, не знал, что станет впоследствии играть в шахматы, да и вообще в спорте. Но он знал, что любит играть в шахматы, а также увлекалась им отец и мать.

Мальчик с ювенильной интуицией, играя в шахматы, и окружающие становились свидетелями беспримерного по темпам роста его шахматной квалификации.

Весной 1947 года Борис Спасский добился уже заслуженного звания мастера спорта по национальному первенству.

В двенадцать лет Борис опередил в турнире Кировской области юношеского Кировского кандидата в мастере Кирилло-Львовского района.

Летом 1949 года Спасский успешно выступил в первенстве юношеской команды юношеской спортивной школы Ленинграда.

Не узнать юного в этом стройном подростке прежнего Бориса. Регулярные занятия гимнастикой и футболом укрепили его здоровье. Борис — настоящий спортсмен.

Имя Бориса Спасского — новое в советской шахматной энциклопедии. Нужно надеяться, что юный шахматист порадует нас большими спортивными и творческими достижениями.

Мастер Л. АБРАМОВ

Б. Спасский.

Спорт

ПИСАТЕЛИ И УЧЕНЫЕ О ТРУДЕ

Труд всё побеждает.

Виргилий.

Животное полагает, что всё его дело — жить, а человек жизнь принимает только за возможность что-нибудь делать.

А. И. Герцен.

Нет в жизни праздника тому,
кто не трудится в будне.

Н. А. Некрасов.

Во всех отраслях человеческой деятельности только направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества.

Н. Г. Чернышевский.

Труд составляет самую крепкую и надёжную связь между тем человеком, который трудится, и тем обществом, на пользу которого направлен этот труд.

Д. И. Писарев.

Одно из величайших преимуществ труда — это первоначальность этого — серебристого, — гейзерность мыслей рабочего человека перед разно и многообразной случайностью и лёгкостью мыслей любой праздничной.

Л. Н. Толстой.

Труд — не игра и не забава; он всегда серьезен и тяжёл; только полное сознание необходимости достичь той или другой цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда.

К. Д. Ушинский.

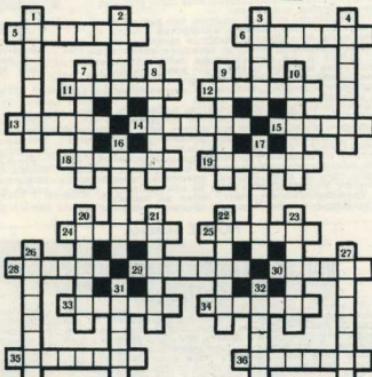
КРОССВОРД

Составил П. Еленский (Смоленская область)

По вертикали:

- Выдающийся портретист XIX века. 2. Художник-пейзажист. 3. Актёр, основатель русского сценического реализма. 4. Известный писатель-натуралист. 7. Журналист, автор исторических картин: «Переход Суворова через Альпы», «Утур-тепе». 10. Писатель, один из основоположников русской шахматной школы. 9. Первый русский историк, пионер в области научной разработки истории России. 10. Первопечатник. 16. Писатель, публицист и философ. 17. Крестьянин-изобретатель. 20. Ученый, основоположник производственного синтетического наукоучения. 21. Композитор и химик. 22. Писатель, основоположник произведения «Русь». 23. Отец русской физиологии. 24. Художник-акварелист, автор картины «Сказочные сюжеты». 27. Полемодемократ. 31. Землемохрещ, открывший пропилья, называемый подземным Веринговым. 32. Первый русский актёр.

По горизонтали:

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 4

По вертикали:

- Сонет. 2. Феномен. 3. Патриот. 4. Броня. 5. Маршировка. 6. Образец. 7. Героизм. 8. Основатель. 14. Справедливость. 15. Канал. 16. Автор. 17. Салют. 20. Тельман. 21. Организация. 22. Отпор. 23. Марш. 24. Пролетариат. 25. Пролетариат. 26. Калинин. 27. Эпоха. 29. Европа. 30. Америка. 31. Араб. 32. Парад. 33. Ганссер. 34. Тезис. 37. Денга. 38. Новатор. 39. Арабика. 40. Биметаллизм. 41. Король. 42. Страна. 43. Араб. 44. Нидерланд. 47. Плоешти. 52. Седан. 53. Лимон.
5. Конёр. 6. Пахра. 7. Героизм. 8. Основатель. 14. Справедливость. 15. Канал. 16. Автор. 17. Салют. 20. Тельман. 21. Организация. 22. Отпор. 23. Марш. 24. Пролетариат. 25. Пролетариат. 26. Калинин. 27. Эпоха. 29. Европа. 30. Америка. 31. Араб. 32. Парад. 33. Ганссер. 34. Тезис. 37. Денга. 38. Новатор. 39. Арабика. 40. Биметаллизм. 41. Король. 42. Страна. 43. Араб. 44. Нидерланд. 47. Плоешти. 52. Седан. 53. Лимон.
5. Конёр. 6. Пахра. 7. Героизм. 8. Основатель. 14. Справедливость. 15. Канал. 16. Автор. 17. Салют. 20. Тельман. 21. Организация. 22. Отпор. 23. Марш. 24. Пролетариат. 25. Пролетариат. 26. Калинин. 27. Эпоха. 29. Европа. 30. Америка. 31. Араб. 32. Парад. 33. Ганссер. 34. Тезис. 37. Денга. 38. Новатор. 39. Арабика. 40. Биметаллизм. 41. Король. 42. Страна. 43. Араб. 44. Нидерланд. 47. Плоешти. 52. Седан. 53. Лимон.
5. Конёр. 6. Пахра. 7. Героизм. 8. Основатель. 14. Справедливость. 15. Канал. 16. Автор. 17. Салют. 20. Тельман. 21. Организация. 22. Отпор. 23. Марш. 24. Пролетариат. 25. Пролетариат. 26. Калинин. 27. Эпоха. 29. Европа. 30. Америка. 31. Араб. 32. Парад. 33. Ганссер. 34. Тезис. 37. Денга. 38. Новатор. 39. Арабика. 40. Биметаллизм. 41. Король. 42. Страна. 43. Араб. 44. Нидерланд. 47. Плоешти. 52. Седан. 53. Лимон.

По горизонтали:

5. Конёр. 6. Пахра. 7. Героизм. 8. Основатель. 14. Справедливость. 15. Канал. 16. Автор. 17. Салют. 20. Тельман. 21. Организация. 22. Отпор. 23. Марш. 24. Пролетариат. 25. Пролетариат. 26. Калинин. 27. Эпоха. 29. Европа. 30. Америка. 31. Араб. 32. Парад. 33. Ганссер. 34. Тезис. 37. Денга. 38. Новатор. 39. Арабика. 40. Биметаллизм. 41. Король. 42. Страна. 43. Араб. 44. Нидерланд. 47. Плоешти. 52. Седан. 53. Лимон.
5. Конёр. 6. Пахра. 7. Героизм. 8. Основатель. 14. Справедливость. 15. Канал. 16. Автор. 17. Салют. 20. Тельман. 21. Организация. 22. Отпор. 23. Марш. 24. Пролетариат. 25. Пролетариат. 26. Калинин. 27. Эпоха. 29. Европа. 30. Америка. 31. Араб. 32. Парад. 33. Ганссер. 34. Тезис. 37. Денга. 38. Новатор. 39. Арабика. 40. Биметаллизм. 41. Король. 42. Страна. 43. Араб. 44. Нидерланд. 47. Плоешти. 52. Седан. 53. Лимон.
5. Конёр. 6. Пахра. 7. Героизм. 8. Основатель. 14. Справедливость. 15. Канал. 16. Автор. 17. Салют. 20. Тельман. 21. Организация. 22. Отпор. 23. Марш. 24. Пролетариат. 25. Пролетариат. 26. Калинин. 27. Эпоха. 29. Европа. 30. Америка. 31. Араб. 32. Парад. 33. Ганссер. 34. Тезис. 37. Денга. 38. Новатор. 39. Арабика. 40. Биметаллизм. 41. Король. 42. Страна. 43. Араб. 44. Нидерланд. 47. Плоешти. 52. Седан. 53. Лимон.

Редакторы: В. Ажаев, Г. Гулин, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Кулик, М. Лукомский, Н. Смородин.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. А — 03147. Подписано к печати 4/IV 1951 г. Заказ № 772. Тираж 120.000. Изд. № 199.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА
В номере:

- В. Шорор — Григорий Белоусов, юнкер.
Расул Рязанов — Вечно живой.
П. Тамалини — Загинающий капитализм.
Лауреаты всесоюзных и всесоюзных премий мира.
Герои Гуцуль — Самен живёт и продолжает...
Р. Ильинский — На берегу Коринца.
Николай Старшинов — Родина.
П. Александров — Первый майский.
Я. Сухоруков — Выставка советской архитектуры.
Владимир Карпенко — Портрет.
Евгений Евтушенко — Плющадь Мининского.
Борис Кауров — Вступление в жизнь.
Андрей Досталь — Молодёжная brigada.
Георгий Замина — Жизнь — источник творчества.
Великий русский почтмейстер.
Никша Павлов — Сказания Цинь.
Л. Образцов — На большую сцену.
В. Масленников — Геологоразведка.
В. Красильников — Вместе с родиной.
Б. Кузьмин — В молодых футболистах.
Л. Абрамов — Юные наивидцы в мастерах.
Кроссворд.

На обложке: «На величине страны коммунизма». Рисунок студентов архитектурного института. Е. Зверькова и А. Макарова.

Оформление номера В. Урина.

ШУМЯТ ЛЕСА

Лес и лес... и влево и вправо
И долина в глубине
Кто проречт величественную думу дубравы,
Отражённую в тёмной сберной воде?
Молодые берёзы построили юным,
Боязливым зелёным крыльям листьям.

Кто увидит разбег в их строю журавлином,

Их порыв, их стремленье подняться
с травы?

Как белы и тонки!

Как тревожен и лёгок их шагов!
Как вспаханы земли, как вспахано грохот...

Я читал их мысли в заросших осокой
озёбрах.

Как читают в глазах у хороших драм
Я и зелёными листам признакомое губами.

В них шуршащие спокойная сила слышна.

Он взойдёт этот лес, на обрывистых склонов,

Где обрывы, где обрывы, где обрывы,

Где беспринята стель золотую пшеницей

полны

И в песках, где немецкие каски разбросаны.

Где проносится ветер — разбойник степной.

Строй деревьев навстречу прыжку суховея

Встанет грозно гудицей зелёной стеной.

Л. ЖУХОВИЦКИЙ

